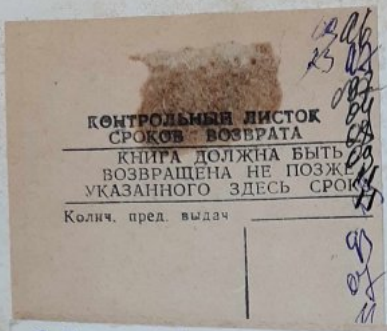
63.3(7)
Л64

Галина Литвинова

РУССКИЕ АМЕРИКАНЦЫ



КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА
Колич. пред. выдач

63.3(7) 1107393 хр.
А64
Литвинова Г.
Русские американцы.
М., 1993
7.11.19 Музей
Арс

63.3(7)
Л64

Ассоциация по комплексному изучению русской нации (АКИРН)
Всемирный семинар
«Русская идея и возрождение России»
Производственно-коммерческое предприятие «Русло»
Московское отделение Российского философского общества

14231000017349

ГАЛИНА ЛИТВИНОВА

РУССКИЕ АМЕРИКАНЦЫ

1107392

Приморская краевая
БИБЛИОТЕКА
им А. М. Горького

Автор вступительной статьи —
доктор философских наук Е. С. Троицкий

Галина Литвинова. Русские американцы. Автор вступительной статьи и редактор Е. С. Троицкий — Москва, 1993 г., с. 94.

Судьбы русской эмиграции — одна из величайших трагедий в истории XX века. Выдающийся ученый и патриот Галина Ильинична Литвинова в последние годы своей жизни совершила несколько поездок в США, где изучала положение русских американцев.

Итогом явилась настоящая книга, в которой характеризуются материальный статус, думы, настроения, уровень национального самосознания выходцев из России и их потомков. Авторский анализ дан с незаурядной эрудицией, публицистическим талантом и остроумием. Опыт нашей эмиграции в Америке имеет неоценимое значение для 25 млн. русских людей, с 1991 года живущих в Ближнем Зарубежье. Книга публикуется впервые.

На обложке изображена икона Смоленской Божьей Матери (XVII в.). Патриотическая деятельность Литвиновой отвечала духу защиты Святой Руси Богородицей. Не лишним будет заметить, что Галина Ильинична родилась в Смоленске.

Художник Константин Гончаров

© Е. С. Троицкий. 1993 г. Вступительная статья. Редакция.

КНИГА ПАТРИОТА ИЗ РОССИИ О РУССКИХ АМЕРИКАНЦАХ

Как тяжело утратить Родину... И как невыносима мысль о том, что эта утрата, может быть, состоялась навсегда.

Иван Ильин — Родина и мы, Белград, 1926.

9 июля 1992 года перестало биться сердце большого ученого, замечательного общественного деятеля, верной дочери многострадальной России Галины Ильиничны Литвиновой. Она занимала заметное место среди патриотов, смело вставших на защиту коренных интересов русского народа. С большим публицистическим жаром и болью Галина Ильинична рассказывала о его бедственном положении. В 80-х годах она активно выступала против черного дела переброски северных рек, позже возглавила Комитет помощи русским беженцам, чем могла, помогла многим из них.

Литвинова создала специальное направление исследований — социальную демографию России. Диапазон ее научной деятельности был исключительно широк. Перу Литвиновой принадлежат более 300 опубликованных работ. В ряде законодательных актов Государства Российского есть положения о его социальных обязательствах в отношении материнства, семьи, детства, отцовства. И в этом есть большой подвижнический вклад Галины Ильиничны.

Она много ездила по стране. Смерть Литвиновой — большая утрата для всей патриотической России. Это чувство было отражено в выступлениях на гражданской панихиде, в многочисленных телеграммах и письмах. «Мы глубоко скорбим о безвременной кончине Галины Ильиничны, которую русские патриоты Екатеринбурга хорошо знали по личным встречам и ее публикациям», — писал мне уралец Виталий Васильевич Алыбин.

В современный сложный и исключительно ответственный период развития Отечества особую значимость приобретает всестороннее обогащение содержания и форм взаимоотношений с соотечественниками, находящимися за рубежом. Ведь в течение десятилетий муссировался нелепый классовый миф о «непримиримом противоречии», даже «антагонизме» между эмиграцией и гражданами, находящимися в самой России. Какие только ухищрения не делались для того, чтобы осложнить контакты между различными частями одного и того же

этноса. В этих целях применялись не только разносная критика в прессе, помещение в ГУЛАГ, но иногда и прямая ликвидация патриотов. Долгое время вульгарно-классовые представления, возведенные в ранг государственной политики, препятствовали установлению связей между частями разделенной русской нации. На русском зарубежье как бы стояло клеймо «классовых врагов», «противников Советской России», хотя многие изгнанные патриоты были всегда готовы вернуться: лишь бы быть вместе с родным народом. И здесь, к сожалению, еще полностью не преодолены догматические стереотипы и шоры, мешающие углублению долгожданного взаимопонимания. Один из американских знакомых Литвиновой И. Л. Новосильцев [1] рассказывал ей о своем разговоре с молодым парнем в подмосковной электричке. Игорь Леонидович поделился мечтой восстановить родовое имение. Парень выслушал его и сказал: «Спалим... Вы-то отсюда сбежали в революцию, а теперь опять хотите у нас панами быть».

К 1991 году за рубежом по разным оценкам жило от 4 до 6 млн. русских людей. А после развала СССР к ним добавили еще 25 млн. человек. В США, Канаде, Франции, Аргентине и других странах имеются компактные общины, имеющие православные храмы и церкви, издающие газеты, проводящие духовно-культурные мероприятия в целях сбережения своей национальной самобытности и утверждения незыблемости нитей, которые связывают зарубежных соотечественников с их исторической Родиной. Опыт нашей эмиграции в Америке имеет неоценимое значение для 25 млн. русских, с 1991 г. живущих в странах Ближнего Зарубежья.

Несмотря на все препоны и преграды, постоянно существовало стремление к единству разделенной русской нации. И это движение в мае 1990 года привело, например, к образованию Российского общества по сотрудничеству с соотечественниками за рубежом. В 1991 и 1992 годах состоялись два больших Конгресса соотечественников. Ведется подготовка к созыву Международного Русского собора в Вятке летом 1993 года. И ныне мы можем с полным правом сказать, что наступил момент общероссийского и всемирного значения — подведена черта в отношении к русской эмиграции: старого разделения больше не существует. Русские, где бы они ни жили, хоть на Марсе (!), принадлежат к одной великой нации — эта истина стала достоянием всего этноса.

---

[1] Игорь Леонидович Новосильцев — потомственный русский американец, по материнской линии происходит из той ветви рода Гончаровых, к которой принадлежала супруга великого поэта А. С. Пушкина — Наталья Гончарова. В последние годы Игорь Леонидович оказывал материальную помощь в восстановлении Оптиной Пустыни.

Мы знаем, что русское зарубежье в течение десятилетий сберегало любовь к Матери-Родине, сохранило и создало на чужбине большие национальные культурные ценности. Ныне в России издаются все новые и новые произведения, написанные соотечественниками за рубежом. Общественность имеет возможность читать работы И. Ильина, И. Солоневича, Н. Бердяева, Г. Федотова, Н. Лосского, В. Набокова, И. Шмелева, И. Бунина, Г. Флоровского, А. Солженицына и других авторов. Как и у Литвиновой, основной сюжет их произведений — Матушка-Россия, ее судьба, жизнь, история, философия, православная культура народа, его будущее. Вместе с тем, читая работы наших изгнанных соотечественников, можно составить представление о житье-бытье русской эмиграции.

Новые яркие, впечатляющие страницы об отечественном зарубежье вышли из-под пера Галины Ильиничны. Она живо интересовалась положением и перспективами русской эмиграции и совершила несколько поездок в США, где выступала с лекциями, встречалась со многими выходцами из России и их потомками, изучала материальный статус, думы и настроения русских американцев, их отношение к Матери-Родине, православной культуре. Итогом этих наблюдений явилась книга «Русские американцы», написанная с незаурядной эрудицией, гражданственностью и талантом. Ученого сильно удручали пассивность людей в самой России, их столь большое долготерпенье, более низкий экономический статус русских по сравнению с большинством других национальностей. В США же Литвинова увидела нечто существенно обратное, столкнувшись с жизненной активностью большинства россиян, убедившись в верности Отечеству многих из них, приверженности к ценностям родной культуры и языку. У демографа сложилось впечатление, что русские в США и подчас лучше материально обеспечены, чем многие представители других национальностей. Галина Ильинична с удовлетворением отмечала, что наши американские соотечественники в своем отношении к Родине консолидируются верностью Православию, выступают против ослабления и разрушения нации. Как представляется, святым долгом активных представителей русских американцев являются поездки по странам нового зарубежья с целью информации о своем сложном эмигрантском опыте самосохранения.

Здесь много граней. И это отчетливо выражено в повествовании Литвиновой. Как известно, изгнание и отъезд миллионов русских людей были величайшей трагедией нации. За рубежом оказались артисты Ф. И. Шаляпин, шахматист А. А. Алехин, композитор С. Рахманинов, писатель И. Бунин,

изобретатель телевидения В. К. Зворыкин, изобретатель вертолета И. В. Сикорский, известные философы И. Ильин, С. Булгаков, Г. Федотов, основатель российской социологии П. Сорокин и многие другие. В Ново-Дивееве один из русских американцев грустно сказал Галине Ильиничне: «Я прожил свою жизнь и, подводя итоги, могу сказать, что мои немалые силы и способности отданы на благо чужой страны и чужого народа». Во многом аналогичные чувства ныне испытывают русские люди в Средней Азии, Прибалтике, Закавказье и других государствах Ближнего Зарубежья.

У наших же американских соотечественников такого рода горестные размышления подчас находились в сложном и противоречивом сочетании с сознанием верности белому движению, той России, которая была разрушена сначала Февральской, а потом Октябрьской революциями. Здесь скрыта большая и сложная проблема, человеческая драма, которая десятилетиями разделяла, мучила тысячи и, без преувеличения можно сказать, миллионы людей, да и сейчас бередит умы и сердца соотечественников в России и за ее пределами, порождает новые и новые распри, политические дискуссии.

Галина Ильинична не раз упоминала о ненависти многих русских американцев к коммунистам, которая подчас была так же велика, «как любовь к России». Автор считала, что эмигрантов в чем-то можно было понять, так как большевики лишили их и их родителей Родины, «превратили в вечных странников». Когда во время лекции Литвиновой в Сан-Франциско в зале появился приглашенный докладчицей советский консул, возмущению присутствовавших приходом «коммуниста» не было предела. Потребовались немалые усилия Галины Ильиничны, чтобы умиротворить негодующих. И в своем стремлении к примирению она несомненно была права, причем, как говорят, по большому счету. Рядовые коммунисты не виноваты. А палачей 20-х—50-х годов практически уже нет в живых. Для современной России очень ценен опыт Испании, где также была страшная гражданская война, долголетнее мучительное разделение людей на «красных» и «белых». Конструктивная позиция споривших, соглашение, возрождение монархии способствовали воцарению духа примирения на испанской земле. Можно с полным правом утверждать, что красные и белые — дети единой скорбящей матери-России.

В начале века объективные зарубежные исследователи (Э. Тери и др.) прочили: к середине столетия России быть первой мировой державой. По прогнозу великого русского ученого Д. И. Менделеева, население страны к тому времени должно было превысить 282,7 миллиона жителей. Однако

инспирированные извне с помощью различных, чуждых православной России, импортированных концепций «классовый» раскол общества, гражданская война, продолжающаяся по существу уже целое столетие, помешали Родине подняться, обеспечить счастье и благополучие для всех россиян. В 1992 году нас всего 150 миллионов. Вспомним, что Япония воспользовалась революцией 1905 года для того, чтобы нанести России унизительное поражение. Пропуская в 1917 году через Германию пломбированные вагоны с Лениным и его соратниками, ее правительство исходило из тех же побуждений, что и японцы. Как писал позже генерал И. А. Деникин, «предприятие это, сулившее необычайно важные результаты, было богато финансировано».

Нельзя не отметить, что и гитлеровцы, осуществляя поход на Восток, делали серьезную ставку на обострение межнациональных, социально-политических противоречий, поддерживая, например, армию генерала Власова. А как много в передачах радио «Свобода» последних лет было противопоставлений «красно-коричневых», «национал-большевиков» — с одной стороны и «демократов», «рыночников» — с другой!

Не следует ныне преувеличивать значения коммунизма, поскольку его гипертрофированное выпячивание невольно способствует вредоносной игре. А ведь раскол в этом столетии — главное орудие разрушения Государства Российского! Поэтому глубоко прав мыслитель-эмигрант М. Назаров, который выражал сожаление, что для значительной части политической эмиграции (добавим, и не только для нее) «важнее оказался критерий антикоммунизма, а не призвания России» [1]. Посетивший летом 1992 года Родину после 17-летнего отсутствия Назаров так писал о своих впечатлениях: «Конечно, грустно было приехать на пепелище проигранной Советским Союзом «холодной» войны. Тем более грустно, что и мы в эмиграции принимали в ней какое-то участие, надеясь на иной исход... Но поскольку эта война велась Западом не только против коммунистического режима, но и против России, — результат откровенно обнажен: расчленено государство, попадает под диктат западных банков экономика, непопулярное правительство лебезит перед победителями как единственными гарантами своей власти; телевидение, приобщая к «общечеловеческим ценностям», затопляет страну мутным валом пошлости и дезинформации...» [2].

В настоящее время соотечественникам следовало бы смотреть на истерзанную Россию как бы с колокольни Ивана

[1] Вече (Мюнхен), 1992, № 46, с. 32.
[2] Литературная Россия, 1992, № 45, с. 14.

Великого в Московском Кремле, взаимно примиряться со многими взглядами оппонентов во имя соборности, спасения общего Отечества. В этом смысле целительным для российского общества и было бы использование испанского опыта примирения бывших франкистов и республиканцев. Примирение «красных» и «белых» отвечает подлинной сути православной соборности, духу Веры, Надежды, Любви.

Русская эмиграция находится в эпицентре повествования Литвиновой, но весьма любопытны наблюдения и о жизни в США, особенностях, противоречивости психологии американской нации. Автор отмечает, что американцы в своей массе «большие патриоты. Они с симпатией и почтением относятся к государству, армии, национальным символам. Многие частные дома украшены государственными флагами». Вместе с тем Литвинова характеризует мобильность американцев, их склонность к перемене работы и места жительства, ибо «оседлость, привязанность к земле предков не характерны для граждан США». Галина Ильинична пишет об организованности и рационализме американцев, их озабоченности фигурой и здоровьем, внешним видом, красотой зубов.

Соображения Г. И. Литвиновой представляют интерес для выяснения соотношения между национальными идеалами двух народов: Русской идеей и Американской мечтой. Американская мечта обычно трактуется в США как извечная категория, она концентрирует представление о США как стране неограниченных и «равных» возможностей, которая впереди всех остальных, «превосходит» другие государства планеты. Можно, конечно, много говорить, что надежды на счастье, социальное, национальное равноправие, связанные с Американской мечтой, во многом так и остались мечтами. Но что особенно важно отметить — это подлинная доктрина предприимчивости и инициативы, концепция «человека, создавшего самого себя». Пафос личного успеха, — пожалуй, важнейшее в американской мечте. И это естественно для первой страны капитализма.

Части русских также свойственна предприимчивость, более того — подвижничество. Но у нас, в отличие от американцев, была традиционная община с ее коллективизмом и взаимопомощью. Генетически Русь — страна православия, где такой прагматизм, как в США, просто невозможен, как бы ни взывали к нему некоторые особенно ретивые и вульгарные поклонники всего западного.

В Российской истории, особенно в XX веке, в результате попрания национальной специфики, революционных потрясений, было слишком много крови и насилия. Сейчас растет количество преступлений. Поэтому канонизировать американ-

ский прагматизм было бы по крайней мере легкомысленно, а лучше сказать — опасно, антигуманно. Для наглядности сошлемся на суждения виднейшего представителя американского прагматизма Дж. Дьюи, который писал: «...сила, грубая физическая сила в конечном счете является самым лучшим средством, на которое можно положиться». Как известно, идеи Дж. Дьюи оказали сильное воздействие на духовную жизнь влиятельных слоев общества в США, в том числе на взгляды многих идеологов военно-промышленного комплекса. Мы знаем, как легко там купить оружие, как силен культ насилия в кино, на телеэкране, в других средствах массовой информации. Поэтому во взаимополезный диалог двух великих культур надо бы внести мотив взвешенности. Но, к сожалению, именно апологетика насилия стала переноситься на российскую почву вместе с продажей оружия. Экраны страны заполонили американские порнографические ленты и примитивные детективы. Литвинова с возмущением отмечает, что в этом отношении мы даже «догнали и перегнали» США: «безнравственные американские телепрограммы, транслируемые по московскому телевидению, в самой Америке можно увидеть только в ночное время, по платным каналам, недоступным, как правило, детям».

Русь называют страной крайностей. Поэтому, возможно, в какой-то степени закономерно, что от негативистского перехлеста в отношении к США некоторые ретивые публицисты сейчас поспешно ударились в идеализацию американского образа жизни, тогда как подлинное взаимообогащение национальными ценностями должно быть более глубоким и не подверженным легковесной конъюнктуре.

Русская идея — это призыв к возрождению народа и Православия, правды, добра, духовной культуры, которая по существу во всех странах переживает кризис из-за наступления техники, поп-культуры, порождающей агрессивность. Цивилизация и прогресс во многом бездушны, они при дефиците нравственности и добра угрожают насилием, наносят немалый ущерб человечеству — экономический, моральный, экологический. Все ощутимее маячит на горизонте призрак Апокалипсиса.

Известна роль русской интеллигенции в развитии культуры. Без самоотверженности, большого труда и патриотизма, без подвижничества и нового подвига Святой Руси трудно будет остановить дальнейшее движение к пропасти. Такой подвиг совершила Галина Литвинова. Поэтому ее творчество не умрет.

Горячее чувство любви к Отечеству было преобладающим стимулом не только написания работ о России, но и

американских очерков. Под этим углом зрения Галина Ильинична рассматривает чуть ли не все проблемы — экономические, социальные, демографические, культурно-духовные. Так, описывая роскошные похороны русской парикмахерши в Сан-Франциско, на которых присутствовало около 100 семей с цветами, на поминках был накрыт богатый шведский стол и т. д., автор вспоминает убогие похороны своей матери на разоренной Смоленщине, сокрушается, что ныне в «богатой лесами России православных хоронят в целлофановых мешках, так как гробов не хватает». В то же время длинные вереницы вагонов вывозят воспетый Леонидом Леоновым русский лес за границу. Описывая деятельность русского национального радио в США, Литвинова скорбит, что таковое по существу отсутствует в самой России.

Боль, тревога за родной народ, мысль о том, как его возродить, спасти, — главное для автора. Характеризуя непреходящие свершения русского гения в литературе, науке, технике, искусстве, военном деле, завоевании космического пространства, Литвинова провидчески пишет в заключение: «Такой народ не может, не смеет погибнуть. Он вечен. Нельзя забывать, что русские — великий народ не только по своей численности, но и по вкладу в мировую культуру, а потому политика геноцида этого народа способна нанести огромный вред всему человечеству».

Евгений Троицкий.

ВСТРЕЧА С АМЕРИКОЙ

Моя первая встреча с Америкой произошла в 1987 году, когда с группой советских женщин я оказалась гостьей Ассоциации молодых женщин-христианок. Ассоциация была создана в прошлом веке, и с тех пор ее члены заметно постарели. Молодых среди них было мало.

В Нью-Йорк прибыли холодным февральским днем. Шел дождь с мокрым снегом. Разместили нас в роскошной гостинице в центре города. Пол в ванной комнате был теплым с подогревом, телевизор имел более 30 программ. И совсем удивительным был кондиционер: нажав на нужную кнопку, в номере можно было создать воздух хвойного леса или морского берега. Чудеса, да и только.

Встречающие нас милые дамы (никто из них не знал русского языка) поинтересовались, сколько времени нам потребуется, чтобы прийти в себя после многочасового перелета из Москвы в Нью-Йорк. Узнав, что минут 30, долго смеялись. Они были наслышаны о выносливости наших женщин. Теперь убедились в этом.

Город произвел на меня одновременно ошеломляющее и удручающее впечатление, возможно последнее усиливалось мрачной погодой. Став на перекрестке улиц, состоящих из домов-небоскребов, можно было увидеть в просвете линию горизонта с трех, а то и с четырех сторон. Так все точно было рассчитано в этом огромном городе, что казалось, таланты архитекторов подавлялись расчетливостью, которая воспринималась как сатанинская, но не божественная. В таком городе чувствуешь себя малой песчинкой, не вписывающейся в запрограммированный мир.

Уговорив троих дам (три других наотрез отказались), мы рискнули пройти по ночному Бродвею. По улице, где днем была тьма народу, неслись только машины. Людей не было. Минут 15 мы шли быстрым шагом по ярко иллюминированной улице, но услышав на противоположной стороне крик о помощи и вой сирены полицейской машины, повернули назад, к гостинице. Мы тотчас осознали, что наша Москва лучше, в ней чувствуешь себя безопасно в любое время суток. Тогда, в 1987 году, так оно и было. Сейчас москвичи уже и амери-

канцам могут позавидовать, настолько в Москве стало небезопасно.

Все дни нашего пребывания в США были плотно расписаны: деловые встречи, конференция по правовому положению женщин, визиты в различного рода детские учреждения, в том числе в ясли для детей, чьим мамам 15—16 лет. За детьми присматривают благотворительные учреждения с дотацией государства. Мам отправляют в школу или на курсы, где они могут приобрести профессию. Детишки здесь почти все цветные.

Из опубликованных статистических данных 1989—1990 гг. стало известно, что проблема 15—17-летних мам и детей не менее остро стоит в России, где их удельный вес в 17 (!) раз выше, чем в Грузии или Таджикистане[1]. Однако какой-либо организованной специальной помощи от государства и общества эти мамы и дети не получают.

В Нью-Джерси посетили богатый детский центр. С детьми здесь занимались музыкой, хореографией, плаванием. Среди воспитателей и учителей, в отличие от наших детсадов и школ, немало мужчин, что предохраняет молодое поколение, особенно мальчиков, от феминизации (мужчин должен воспитывать мужчина). Был День Святой Валентины, когда все объясняются друг другу в добрых чувствах. И делают подарки. Ребятишки подарили всем нам чудесные подарки-самоделки с нарисованными или вышитыми сердечками и надписями «Мы любим Вас». Общение с детьми было веселым, непринужденным. В этом прекрасном, богатом детском центре почти все дети, за редким исключением, были белыми. Визиты в эти два контрастных детских учреждения свидетельствовали, что проблемы цветных и белых в США существуют.

Директриса детского центра пригласила нас к себе на обед, она жила неподалеку. Пока накрывали на стол, нам предложили посмотреть программу телевизионных новостей. Каково же было наше удивление, когда мы увидели передачу из детского центра, откуда только что вернулись, и самих себя, общающихся с детьми и воспитателями. Нагловатый телекомментатор вещал: «Вы видите здесь русских женщин, хотя все они коммунистки, с детьми, как это ни странно, они обращаются доброжелательно». Хозяйка извинилась за некорректный комментарий к нашему визиту. Всех приезжающих из СССР американцы считали тогда русскими, а уж если в составе официальной делегации, то непременно коммунис-

[1] См.: Положение детей в СССР. 1990 год. Состояние, проблемы, перспективы. М., 1990, с. 48.

тами. Среди нас семерых русских коммунисток не было и половины.

Меня крайне удивило, что нашу встречу снимали скрытой камерой для телевидения, не спросив разрешения, не предупредив даже нас. Это усиливало напряженность. С моим скверным знанием английского требовалось немало труда, чтобы понять вопрос, который задают, сформулировать и перевести на английский ответ, да еще заботиться при этом, как ты выглядишь, памятуя о возможной скрытой камере. Все это ужасно утомляло. В конечном итоге самым острым впечатлением от моего первого визита в Америку была предельная напряженность и усталость.

Когда мадам Рокфеллер одарила нас билетами в Метрополитен-опера, где наконец-то можно было расслабиться, я мирно проспала всю оперу Моцарта: сработал защитный механизм предельно усталого человека.

Мадам Рокфеллер — одна из богатейших попечительниц ассоциации женщин-христианок — пригласила нас к себе домой на чай. В гостиной было много картин. Фамилии художников обозначены не были, но некоторые из них легко узнавались по почерку. Одна из них должна была принадлежать Модильяни. Пришлось уточнить у хозяйки дома. Мы разговорились о живописи, а затем мадам, извинившись, попросила разрешения задать мне вопрос личного характера: не имею ли я что-либо общего с Максимом Литвиновым, который в начале 40-х годов был послом в США и с которым мадам была знакома. Я сказала: «Да, имею». «Что именно?» — настаивала мадам. Пришлось ответить: «У нас с ним общий псевдоним: он — бывший Финкельштейн, я — бывшая Елисеева». Заметив разочарование на лице любознательной хозяйки, попыталась утешить ссылкой на то, что Елисеевы — фамилия вполне достойная.

Будучи гостями женской ассоциации, приходилось общаться преимущественно с американками. Они отличаются большей улыбчивостью, любезностью, непосредственностью, иногда наивностью. Очень следят за состоянием зубов — улыбки у всех ослепительные — и за весом. Среди дам выше среднего и высшего класса полные встречаются редко. Их образ жизни существенно отличается от наших женщин не только повышенной индустрией быта, комфортом, но и занятостью в общественном производстве. Семейные женщины с малыми детьми в большинстве своем не работают. Дело не только в том, что детский сад, ясли или няня дорого стоят. Работают американки до появления детей и после того, как дети подросли. Зато с работой расстаются очень поздно, на пенсию отправляются после 70 лет.

Одна из встречавших нас американок была китаянка по происхождению. Она пригласила нас на обед в китайский ресторан, где китайскими были и интерьер, и кухня, и обслуживающий персонал. После обеда отправились в Чайна-таун — китайскую часть города. Нью-Йорк, как и другие города США, многонационален; точнее, объединяет множество этнических групп. И хотя все граждане Америки — американцы с единым гражданством и единым государственным языком, это не мешает развивать национально-культурную автономию, иметь свои национальные школы, храмы, театры, рестораны, селиться отдельными национальными микрорайонами.

В Нью-Йорке во время экскурсии по городу нас объединили в одном автобусе с небольшой группой туристов. Господин весьма преклонного возраста, заслышав русскую речь, спросил по-русски с заметным польским акцентом, не потеплело ли в России. Я поинтересовалась, не из Польши ли пан. Пан ответил, что он из Израиля, но родился и вырос в Польше. В 1939 году переехал в СССР и всю войну до самого ее окончания прожил в Сибири, где было ужасно холодно. Я сказала, что во время войны ему могло бы быть жарко на фронте. Разговор на этом оборвался.

Грустной была встреча в Нью-Йорке с моей старой знакомой Татьяной Т., жившей когда-то в Москве по соседству со мной, но уехавшей вместе с мужем и детьми в США. Чувствовалась ее тоска по России, поиск смысла и правды жизни. Мысль о том, что русские должны жить в России, пришла к ней с запозданием. Красивая, умная, добрая, образованная, но не умеющая быть расчетливой, рациональной и организованной, она плохо вписывалась в американский образ жизни. Я старалась проводить с ней каждую свободную минуту, но таких минут в Нью-Йорке было немного.

После Нью-Йорка и Нью-Джерси самолетом отправились в Феникс. В аэропорту услышали удивившее нас объявление: «авиафирма по ошибке продала один лишний билет на рейс до Феникса. Чтобы исправить ошибку, фирма предлагает 100 долларов тому из пассажиров, кто согласится полететь в Феникс со следующим рейсом». Минут через 10 объявление повторили, увеличив компенсацию за более поздний рейс до 200 долларов. Видимо, желающий полететь следующим рейсом на таких условиях нашелся. Объявление больше не повторялось. Честь фирмы была спасена: среди пассажиров, воспользовавшихся ее услугами, недовольных не оказалось.

Феникс оказался спокойным одноэтажным южным городом, недалеко от границы с Мексикой, с заметным влиянием испанской культуры, красивыми апельсиновыми аллеями,

множеством чудесных фруктов и прекрасной летней погодой. Здесь состоялась основная научная конференция. Доклады американок отличались конкретностью проблем, простотой их изложения без какого-либо академического словоблудия. Все дамы выступали без заранее заготовленных текстов. Говорили эмоционально, взволнованно.

Сразу обнаружилось, что у женщин, независимо от их гражданства, много общих проблем: как заставить мужчин уделять больше внимания семье и детям, как добиться, чтобы женщина имела равные с мужчиной не только права, но и возможности их реализации, как снизить алкоголизм и курение, особенно разрушающие здоровье женщин и детей, и другие вопросы.

После конференции мы были приглашены на ужин в дом журналистки, просторный, одноэтажный с внутренним двориком, в котором живописно разместились маленький плавательный бассейн, несколько кустов роз и 3-4 фруктовых дерева. Осматривая дом, я обратила внимание, что в нем две детских комнаты, каждая из которых была рассчитана на двоих детей. Оказалось, что детей двое, а вторая детская — для гостей.

Хозяин дома, взявший на себя приготовление ужина, оказался прекрасным специалистом по мексиканской кухне и угостил нас множеством вкусных мексиканских блюд.

В гостиную вошли две кошки, одна из которых бесцеремонно забралась ко мне на колени. Хозяйка спросила, есть ли у меня дома кошка. «Есть кот, — ответила я. — С кошками, вернее, с котятами много проблем». Хозяйка удивилась: «Какие проблемы — кошкам надо просто вставить спираль». Стало ясно, что в США проблем контрацепции не существует не только для женщин, но даже для кошек.

Наш визит подходил к концу. По программе следующий, последний день был посвящен осмотру Большого каньона, находящегося недалеко от Феникса, а затем поехали в Нью-Йорк, в аэропорт Кеннеди и домой. Одна из дам спросила, что мне больше всего понравилось в Америке и что не понравилось. Я ответила, что понравилось умение американцев сделать свою жизнь комфортабельной, удобной, хорошо организованной, материально благополучной. О недостатках говорят, что они являются продолжением наших достоинств. Повышенный интерес американцев к материальному благополучию человека способен, как мне кажется, привести к недооценке духовных ценностей. Я старалась говорить мягче, боясь обидеть моих собеседниц. Но они охотно согласились с этим тезисом, добавив, что именно поэтому у них, в Соединенных Штатах, не мог и не может родиться Достоевский.

Разговор перекинулся на Достоевского, и я была приятно удивлена глубоким знанием американками творчества русского писателя. Конечно, я беседовала со своего рода интеллектуальной элитой, и все же было приятно узнать, что в США велик интерес к творчеству русского писателя, полное собрание сочинений которого в Советской России пробивалось с неимоверным трудом. В США, оказывается, действуют специальные общества, объединяющие любителей Достоевского.

Поездка в Большой каньон оставила впечатление божественного величия, красоты и разнообразия природы. Хотя путь был не слишком дальний, проехали на машине несколько географических зон: от знойных пространств с огромнейшими причудливыми кактусами, высотой в несколько метров, до высокогорных хвойных и березовых лесов. Огромное великолепие Каньона наводило на мысль, что жившие в столь величественной природе люди должны были быть прекрасны телом и душой. Побывали на местах бывших индейских поселений и в современном поселке, где их не так уж много осталось. В музее познакомились с произведениями материальной культуры аборигенов. Некоторые поделки можно было купить.

Позднее, беседуя с директрисой Института экологии индейцев, искренне озабоченной поиском путей их возрождения, я спросила, справедлива ли гипотеза о том, что причиной гибели этого некогда сильного и выносливого племени был алкоголь. В ответ услышала, что алкоголь был лишь последней, но не главной причиной гибели народа. Главная причина заключалась в разрушении его культуры в широком смысле этого слова: разрушение религии, духовных ценностей, национальных традиций, культуры быта, семьи, хозяйственного уклада. Когда национальная культура разрушена, народ обречен, он уязвим для любых социальных болезней, в том числе алкоголизма.

Боюсь, что выводы этой ученой дамы правомерны не только для индейцев, но и для русских, демографическая деградация которых, их вымирание есть результат разрушения национальной русской культуры в широком смысле этого слова. А нарастающий алкоголизм и преступность возможны лишь в условиях разрушения национальной культуры.

В поездке по США нас сопровождала русская американка Людмила с трудно произносимой американской фамилией. Мы с ней быстро подружились, обнаружив не только родство душ, но даже внешнее сходство. Она родилась в Харбине в 1935 году. Ее родителям и ей пришлось пережить все трудности, которые обрушились на старую русскую интеллигенцию.

Потом была Америка. Муж — американец, умер несколько лет назад. Осталась одна. У нее хорошо оплачиваемая работа, дом и... постоянная тоска по никогда не виданной России. Собирает все, что имеет отношение к России: книги, картины, сувениры, музыкальные и видеозаписи. Страдает от того, что выдающая себя за русских третья волна эмиграции содействует развитию русофобии, которой раньше в США не чувствовалось.

В Нью-Йорке, когда проезжали высотное здание, несколько напоминавшее главный корпус МГУ, я спросила, что за дом. Оказалось — это масонский храм или капище, как его именуют русские. Попросила Люсю рассказать, что она знает о масонах. Оказывается, масоны в США действуют совершенно открыто, но это лишь часть их деятельности. Остальное — тайна. Люся полагала, что масонские ложи — организации куда более серьезные и мрачные, чем это представляется не посвященному в их тайны большинству граждан. Расставаясь вскоре в аэропорту Кеннеди, мы обе не могли сдержать слез. Расставались словно близкие родственники, хотя знакомы были всего 12 дней.

Если в Нью-Йорк мы летели в полупустом салоне самолета, то возвращались тем же рейсом советского самолета, до отказа заполненного американцами, в основном нашими бывшими гражданами, третьей волны эмиграции, пожелавшими, как они сами утверждали, принять участие в перестройке. На мой вопрос, почему они летят самолетом без семьи, пассажиры ответили, что семья и багаж плывут пароходом специальным рейсом, а главы семей летят заранее, чтобы приобрести жилье. Я спросила, как они собираются получить жилье в Москве, например, если десятки тысяч москвичей годами живут на «койко-месте» в общежитии. Мой собеседник ответил, что никто из эмигрантов не покушается на место в общежитии. У них достаточно долларов, чтобы купить себе самые благоустроенные квартиры.

Эта беседа напомнила мне о событиях 1917 года, когда в Россию из США на пароходах прибыли Л. Троцкий и несколько сот его соратников с семьями. Они приняли самое активное участие в проведении революции и гражданской войны. Большая их часть оказалась на руководящих партийных и государственных постах Советской России и других республик.

Тот факт, что прибывающие из США эмигранты остаются американскими подданными, освобождает их от юрисдикции Советского государства. Всесоюзная перепись населения 1989 г. зафиксировала удивительную вещь: численность американцев в СССР выросла за 80-е годы в 6,2 раза

(со 120 до 746 человек). Это по состоянию на январь 1989 г. А за весь 1989 г. на постоянное жительство в СССР въехало из-за границы около 2 тысяч человек, из которых лишь одна треть — граждане СССР. Кроме того, на временное жительство по частным делам въехало в СССР в 1989 г. около 853 тысяч иностранцев [1].

Перестройку недаром объявили «второй революцией». Только русский философ и публицист А. Зиновьев пророчески назвал ее «катастройкой». Если первая революция оторвала от Российской державы лишь часть территории, то вторая разорвала остававшуюся еще сильной державу в клочья.

ЧАСТНАЯ ПОЕЗДКА

В 1991 г. я снова оказалась в США по довольно грустному для меня поводу. Мы с моей одиннадцатилетней внучкой ехали по приглашению ее матери — моей бывшей невестки Елены. В 1989 г. она со вторым мужем и ребенком от второго брака уехала в США, оставив дочь с ее отцом — моим сыном. Мы обещали не препятствовать девочке ехать к матери после того, как они окончательно устроятся.

На следующий год получили приглашение. Оформление поездки длилось почти год. Многомесячные очереди на авиабилеты и обмен валюты вынуждали дважды продлевать визы на выезд и въезд. Лишь 11 марта 1991 года мы с внучкой смогли вылететь в Нью-Йорк.

В аэропорту Шереметьево волнения, связанные с отъездом, дополнились неприятностями мелочного, унизительного таможенного досмотра. Проверив тщательнейшим образом наш небольшой багаж, разбросав вещи, таможенники безапелляционно отобрали все наши весьма скромные подарки: новый двухтомник Пушкина, единственную 100-граммовую баночку красной икры и коробки шоколадных конфет. Такое начало путешествия не могло не испортить настроения, тем более, что мы видели: к тем, кто уезжал на постоянное жительство, таможенники относились более доброжелательно — ведь они уже были иностранцы, а к иностранцам наши власти всегда относились и относятся лучше, чем к соотечественникам.

В аэропорту Кеннеди в Нью-Йорке нас встретили Лена с мужем и сыном. На машине отправились в Провиденс — небольшой городок в трех часах езды от Нью-Йорка, где они и проживали, арендуя маленькую квартирку. Провиденс — уютный спокойный городок — расположен в районе, который

[1] См.: Народное хозяйство СССР в 1989 г. Стат. ежегодник, 1990, с. 45.

именуют старой Англией. Аккуратные домики в 2—3 этажа. Преимущественно белое, однородное в социальном плане, население. Так, по крайней мере, он воспринимался на первый взгляд.

Поскольку Лена и ее муж работали (Лена неполную неделю), я предложила в те дни недели, когда Лена работала, забирать пятилетнего Филиппа из подготовительного класса школы. Дело это оказалось не совсем простым. Детей в школу (независимо от возраста) доставляет либо школьный автобус, который объезжает дома учеников, либо их привозят и увозят из школы родители. Школа Филиппа была недалеко от дома и можно было ходить пешком, но ребенка могли отдать только родителям, либо лицу, которое будет представлено школьному учителю родителями ребенка. Мы должны были прийти все втроем — я, Филипп, Лена — и договориться с учителем, что мне доверено брать ребенка. Эти предосторожности в США не излишни, так как случаи похищения детей не слишком большая редкость. Причины похищения могут быть самые разные: от желания бездетной семьи приобрести ребенка до похищения в сексуальных целях, а то и на «запчасти» (для пересадки человеческих органов). Мне приходилось встречать в США 9—11-летних детей, которые боялись оставаться одни в квартире даже днем и даже на несколько минут.

Проблема безопасности детей в США представляется мне столь серьезной, что я бы не стала торопиться выражать восторги, как делает московская пресса, по поводу того, что американцы согласились вывезти из СССР партию советских детей-сирот с существенными дефектами здоровья. Было сказано, что их усыновят. Дай-то Бог. Но не случилось бы с ними беды, будет ли кто-либо интересоваться их дальнейшей судьбой?

Внучка ходила, точнее ездила на автобусе, в другую школу, где обучались дети эмигрантов. Английский она знала плохо, и языковые перегрузки в первые дни утомляли ее так сильно, что, придя из школы, она засыпала и спала до утра. Однако недели через две она адаптировалась, уставать стала меньше. А однажды, вернувшись из школы, гордо объявила, что признана лучшим математиком школы, вызвав у меня сомнения в правдивости такой информации.

Но все оказалось верно. Математическая подготовка детей в американских школах значительно ниже, чем в советских. Это, как я потом прочла в их газетах, признают сами американские учителя математики. Правда, в технических колледжах математике уделяется должное внимание.

Вообще американские школы и школьные программы, насколько я смогла с ними познакомиться, вряд ли лучше и глубже наших. Убедительных аргументов в пользу их гуманитарного образования я тоже не заметила. Видела собрание сочинений Л. Толстого в нескольких маленьких книжечках, типа наших записных. Сокращенный до такой степени Толстой — это уже не Толстой. Дети и подростки из старших классов школы (я опрашивала нескольких) не знают, кто такой Фенимор Купер. Среди школьников моего поколения и поколения моего сына таких незнаек почти не было.

Я была одной из последних, кто 31 декабря 1990 г. поменял 2000 рублей на доллары по курсу 1 : 6. Деньги эти были невелики с учетом того, что не хотелось быть нахлебницей в почти чужой семье. Поэтому какие-то сувениры или подарки я могла купить только в самых дешевых магазинах. Один из них был по дороге в школу Филиппа, и я туда иногда заходила. Как-то разговорилась с продавцом. Он спросил, когда я приехала, и узнав, что две недели назад, похвалил мой английский и сказал, что я смогу скоро устроиться. Узнав, что не собираюсь здесь оставаться и через пару недель намереваюсь вернуться в Москву, удивился, напомнил, что в Москве и в России сейчас плохо, пообещал помочь устроиться в Провиденсе. Услышав мой решительный отказ, рассказал об этом своим коллегам. Те окружили меня, благо других покупателей в это время не было, и заинтересовались, почему я непременно хочу вернуться в Москву, где сейчас сложно и голодно.

Я ответила на вопрос вопросом: «Если бы Ваш дом, Ваша семья, не дай Бог, разорилась, обанкротилась, разве кто-нибудь из Вас побежал бы искать более богатую семью? А если бы Вы так поступили, могли бы Вы оправдать свой поступок? Разве не лучше, не справедливее было бы разделить тяготы со своими близкими, помочь выйти из беды?».

Неожиданно они наперебой стали хвалить мое решение и выражать недовольство теми эмигрантами, которые бросают Отечество в беде, в поисках более легкой жизни. Кончилась беседа тем, что они вручили мне подарок — чудесную музыкальную шкатулку на память о людях, любящих патриотов. Это была первая встреча, в которой я почувствовала, что так называемую третью волну эмигрантов в России не все одобряют.

Надо сказать, что американцы в своей массе — большие патриоты. Они с симпатией и почтением относятся к государству, армии, национальным символам. Многие частные дома и машины украшены государственными флагами. Теле-

передачи нередко воспевают прекрасных, мужественных, справедливых американцев, хотя основное телевизионное время с его более чем 50-ю каналами забито преимущественно развлекательными пустышками и рекламой. В этом плане в последнее время мы торопимся не только догнать, но и перегнать Америку, что, как это ни прискорбно, удается. Во всяком случае, безнравственные американские телепрограммы, пропагандирующие публичные дома и проституцию, транслируемые по центральному и московскому телевидению, в самой Америке можно увидеть только в ночное время, по платным каналам, недоступным, как правило, детям.

Надо сказать, детских программ на американском телевидении множество. Несколько каналов. Есть развлекательные, есть учебные. И еще обращает на себя внимание явление: телеэкраны США адекватно отражают расовый и этнический состав населения страны, чего нельзя сказать о русскоязычном советском или Российском телеэкране, глядя на который трудно понять, какие этнические группы заселяют Россию.

Лена работала в публичной библиотеке города, и я, воспользовавшись этим, могла в ней бывать. Имеющийся там отдел русской литературы, состоящий в основном из книг, подаренных эмигрантами третьей волны, был отделом скорее русскоязычным, чем русским. Здесь были Айтматов, Бродский, Войнович, Евтушенко, Самойлов, но не было Есенина, Твардовского, Астафьева, Белова, Распутина. Русскоязычной является и газета «Новое русское слово», хотя порой там попадается русский материал.

Просматривая подшивку этой газеты за февраль 1991 г., я обнаружила интересный документ. Газета опубликовала «Обращение ученых Академии наук СССР к общественности США» за подписью академиков Г. А. Месяца, С. С. Шаталина и некоторых других. Академики просили поддержать, в том числе валютой, создание по инициативе общества «Мемориал» памятника жертвам сталинизма в городе Свердловске. Сообщали, что проект памятника взялся разработать Эрнст Неизвестный.

Обращение это вызвало у русских и русскоязычных американцев недоумение и великое множество правомерных вопросов, которые были сформулированы в статье Иосифа Косинского «Еще один памятник лжи», опубликованной в той же газете «Новое русское слово» за 23—24 февраля 1991 г. Трудно американцам понять, зачем уважаемым академикам и «Мемориалу» потребовалось создание единого памятника жертвам и их убийцам. Не для того ли, чтобы обелить убийц?

Почему надо ставить памятник таким «жертвам» сталинизма, как репрессированным в эпоху Сталина убийцам царской семьи Голощекину и Белобородову, виновнику расстрелов сотен тысяч русских крестьян Тухачевскому, генералитету палачей Ягоде, Крыленко, Бокию и другим.

Еще труднее понять, почему увековечению подлежат жертвы только сталинских репрессий. Неужто жертвы троцкистско-ленинских репрессий 1917—1924 годов были меньшими? А разве не были жертвами репрессий В. Огурцов, В. Осипов и другие правозащитники, отсидевшие много лет в брежневско-андроповских лагерях? А подорвавший в лагерях свое здоровье талантливый русский писатель Л. Бородин, сидевший за идеи при всех послесталинских режимах, включая период перестройки, — разве не является жертвой незаконных репрессий?

Зачем ставить памятник в городе, носящем имя цареубийцы и палача казачества Свердлова, а не в Екатеринбурге? Почему памятник, а не храм, в соответствии с русской православной традицией, например, Храм на крови, сооруженный на месте убийства Александра II бомбой террориста?

Трудно понять зарубежным соотечественникам, зачем для строительства памятника понадобилась свободно конвертируемая валюта. Или в России нет гранита, меди и закупать это надо на валюту? Может быть, свердловским рабочим платить надо в долларах? Возможно, руки надо погреть власть имущим — беспокоятся наши американские соотечественники. И предлагают: а не лучше ли не памятники и не благотворительные фонды создавать, а выплачивать государственную компенсацию пострадавшим и членам их семей?

Хотелось бы американцам узнать, почему без всякого конкурса поручили создание памятника Эрнсту Неизвестному? Кто сказал, что лучшего скульптора нет?

Яркая и убедительная статья И. Косинского заставляет задуматься, почему поставленные в ней логичные и правомерные вопросы не поднимаются у нас в России. Или нас они меньше заботят, чем наших американских соотечественников?

БЛУМИНГТОН

Американский советолог, профессор университета штата Индиана Дарел Хаммер неоднократно бывал в Москве, готовя свою книгу об СССР [1]. Он беседовал со мной о нацио-

[1] Hammer D. P., The USSR. The Politics of Oligarchy, Westview Press, 1990.

нальных и демографических проблемах СССР. Узнав, что я намереваюсь поехать в США по частному приглашению, попросил уведомить его о времени приезда с тем, чтобы обсудить возможность выступить с лекциями в университете штата Индиана, находящемся в городе Блумингтоне.

Из Провиденса я позвонила проф. Д. Хаммеру в Блумингтон, и мы договорились, что я прочту несколько лекций по двум темам: «Национальные отношения в СССР и России» на факультете славистики, где выступать можно на русском языке, который студенты знают, и «О проекте новой конституции РСФСР». Последняя тема лекции для юридического факультета, и выступать надо на английском.

Если к лекции на русском языке подготовка свелась лишь к составлению ее плана, то к лекции на английском потребовалась более тщательная подготовка. Мне пришлось написать текст лекции, попросить знакомую русскую девушку с хорошим знанием английского не только отредактировать текст, но и начитать на магнитофонную пленку, которую я затем несколько раз прослушала, дабы избежать некорректного произношения. Сложнее было с вопросами и ответами, которые могли возникнуть после лекции. Но проф. Хаммер, блестящий знаток русского, любезно обещал свою помощь.

В Провиденс мне был выслан билет на самолет до Индианаполиса с пересадкой в Питсбурге. На билете было указано время отправления из Провиденса, прибытия в Питсбург и вылет из Питсбурга другим самолетом, на который мне предстояло пересесть. На пересадку с одной авиалинии на другую приходилось всего 20 минут. По известным мне распорядкам Аэрофлота совершить пересадку на самолет другой авиалинии за 20 минут маловероятно. Я, естественно, волновалась. Успею ли?

Поделилась своими сомнениями с командой самолета, которым летела, добавив, что впервые одна путешествую по Америке и что плохо понимаю американский язык (он отличается от английского). Служащий авиакомпании (это была «Пан-Американ») заверил меня, что все будет в порядке. В Питсбурге он вышел из самолета вместе со мной. Велел подождать. Через пару минут вернулся с другим служащим, который, взяв мою сумку, посадил меня в легкую автоколяску, отвез на нужную авиалинию, перекомпостировал билет и провел в салон самолета.

В ответ на благодарность попросил приколоть на мой костюм красивый значок его авиакомпании и носить как рекламу. Было ясно, что американские авиаторы борются за каждого пассажира, за то, чтобы он отдавал предпочтение

его компании, стараются убедить, что здесь ему гарантирована забота и внимание. У пассажиров Аэрофлота ныне одна забота: где и как достать билет на нужный рейс. Общение с Аэрофлотом полно курьезов. Помнится, мы возвращались с делегацией Комитета советских женщин из Парижа в Москву. Моим соседом по самолету оказался француз, работник известной парфюмерной фирмы. Его интересовал вопрос, какие духи пользуются спросом и наибольшей популярностью в России. Беседа на приятную тему была неожиданно прервана. Сосед с большим беспокойством попросил узнать у стюардессы, почему самолет изменил курс. «Я ориентируюсь по солнцу и точно вижу, мы повернули в сторону от Москвы», — сказал он с тревогой. Я спросила и в ответ услышала: «Вам сообщат об изменении маршрута». Вскоре сообщили: «По техническим причинам самолет сделает остановку в аэропорту города Риги, а затем полетит в Москву».

Француз был в полной уверенности, что самолет захвачен воздушными пиратами и хотел знать подробности (русского он не знал). Попросил меня навести справки. Я спросила буфетчицу Рижского аэровокзала, в чем дело. Она равнодушно объяснила: «Конец квартала, в Москве плановый бензин исчерпан, самолеты дальних рейсов на запад делают дозаправку в Риге». Когда я передала эту информацию французу, тот оскорбился: «Вы, что же, меня за дурака принимаете, я, что же, не знаю, что СССР — богатая нефтяная держава и что лишняя посадка и взлет съедают уйму бензина? Где логика, чтобы Вам поверить?» Логики в нашей жизни действительно было мало. Сегодня ее стало еще меньше.

Но надо сказать, что у американских авиаторов тоже не всегда все гладко. Обратно в Провиденс я должна была возвращаться беспересадочным рейсом. Самолет был уже в воздухе, когда пассажирам объявили, что по техническим причинам он может долететь только до Балтиморы, а затем пассажиров просят перейти в другой самолет. Все так и было.

В аэропорту Индианаполиса меня встречал профессор Хаммер. На его машине добрались до очаровательного маленького тихого зеленого городка с массой экзотических цветущих деревьев — Блумингтона. Это практически студенческий городок, где по улицам и скверам спокойно разгуливают белки, где мало машин, но много велосипедистов и пешеходов, где основное население — студенты. В городке прекрасный спортивный комплекс, свой театр. Студенческое общежитие, где меня поместили, — это несколько трехэтажных корпусов. Коридорная система, общий холл с телевиде-

нием и видео, спальные комнаты. У каждого студента отдельная комната и санузел. Мой номер был двухкомнатным.

Оставив вещи в номере, пошли обедать в студенческую столовую. Она стоит того, чтобы рассказать о ней подробнее. Каждый студент и преподаватель имеет маленькую книжечку с талончиками. При входе в столовую надо оторвать один талон и, расписавшись на нем, сдать дежурному. Такого огромного выбора блюд мне не приходилось видеть ранее. Множество закусок, соусов, приправ, ингредиентов для салатов, который каждый может составить для себя сам. Несколько сортов фруктовых и овощных соков, кофе, чай, сливки, молоко, мороженое разных сортов, фрукты, разные горячие блюда. Горячие гренки можно сделать тут же самому. Самому можно испечь блин: тесто приготовлено, сковородка тоже. Каждый берет, что хочет и сколько хочет. За неделю, что я там прожила, так и не успела освоить всего разнообразного изобилия. Наблюдая за студентами, замечала, что большинство из них избегает калорийной и излишней пищи.

Вообще повышенная озабоченность американцев фигурой и здоровьем, особенно красотой зубов, постоянно бросается в глаза. Чтобы снизить вес, устраивают разгрузочные дни, усиленно занимаются спортом. Американцы полагают, что успех не только в личной жизни, но и в работе, в карьере не в последнюю очередь зависит от их здоровья, внешнего вида, от аромата, в том числе от аромата рта, для чего жуют жвачку, постоянно заменяя ароматные пластинки. Возможно, по этим причинам курить стало не модным. Число курильщиков сокращается, особенно среди женщин.

После обеда профессор проводил меня в библиотеку Университета, показал, где находится интересующая меня литература. Никаких справок, билетов, документов с меня никто не требовал. Библиотека была открыта ежедневно с 8 утра до 12 ночи, и я многое успела там почитать. Тут же в зале стоял ксерокс. Нужный материал можно было свободно без всяких хлопот скопировать.

После посещения столовой и библиотеки, где все было бесплатным, тысячи долларов, которые студенты должны платить за обучение, казались не безумно дорогой, а просто дорогой платой за высшее профессиональное образование. Среди студентов немало работающих, подрабатывающих, а также тех, кто берет кредиты на учебу, в том числе и у собственных родителей, погашая их затем не один год из своей зарплаты квалифицированного специалиста.

Талантливые и трудолюбивые дети и молодежь из бедных семей могут бесплатно учиться в дорогостоящей школе и

институте, если они пройдут конкурсный отбор. Их бесплатно берут в престижные школы и институты в интересах развития отечественной (американской) науки, с целью «подкачки мозгов» и с целью дать пример, образец для подражания другим, менее трудолюбивым и талантливым.

Конечно же система платного образования, недоступного значительной части молодежи, не вызывает одобрения с позиций социальной справедливости. Но справедливо ли наше бесплатное образование, десятилетиями ставившее препоны и рогатки для доступа к нему Ломоносовых? Окончив сельскую школу в русском селе, где на всю школу 20—30 учеников и один учитель, где в аттестате зрелости стоят прочерки по ряду основных предметов, так как не было учителей, такой Ломоносов, проявив на вступительных экзаменах в МГУ или другом крупном вузе знания, равные абитуриенту-москвичу, окончившему спецшколу и натасканному репетиторами, не будет зачислен в вуз, так как он, Ломоносов, должен проявить не равные, а значительно большие знания, набрать на 4—5 баллов больше, чем столичный конкурент. Где уж тут искать социальную справедливость, логику, здравомыслие. Не потому ли поубавилось Ломоносовых в науке до катастрофического уровня?

Мои лекции в американском университете вызывали немало вопросов и споров. В аудитории юридического факультета, где собрался только профессорско-преподавательский состав, ученые юристы были обескуражены заявлением о том, что из почти полутора сотен национальных конституций, принятых с 1918 года на территории СССР, не было ни одной русской. Лишены русские и своей национальной государственности. Среди множества национальных республик никогда не было и нет русской.

Как же так, удивлялись американцы, а РСФСР и ее Конституции? Пришлось объяснить, что в отличие от английского языка, где слово «Russian» обозначает одновременно и русский и российский, в русском языке российский означает название территории, а русский — название этноса, народа, нации. Российская Федеративная республика не является русской по своей государственно-политической организации. В ней русский народ не имел и не имеет каких-либо русских национальных государственно-политических структур.

Некоторые вопросы повторялись в разных вариантах почти в каждой аудитории. У слушателей вызывала недоумение моя весьма сдержанная, а то и прямо негативная оценка «направленности перестройки» и ее результатов, ее нацеленность на разрушение СССР и усиление политической дискриминации русского народа, что прямо было запрограммиро-

вано в проекте Конституции РСФСР.

— Разве вы не видите, что общество стало более свободным и демократичным? — спрашивали меня.

— Да, конечно, вижу. Сегодня мы можем себе позволить предельно откровенно и свободно излагать свои мысли.

— Вот видите, — говорили мои оппоненты, — а раньше не могли.

— Могли и раньше, — возражала я, — только должны были при этом помнить, что за свободное слово и мысль рисковали быть брошенными в тюрьму или концлагерь.

— Но теперь-то этого нет!

— Нет, не только потому, что демократия, но и потому, что сажать сегодня в тюрьму или отправлять в лагерь нецелесообразно: уровень материальной жизни в России сегодня приближен к уровню лагеря.

— Горбачев так много сделал для мира, уже за одно это он достоин наивысших похвал, — говорили мне.

— Можно ли считать миротворцем президента, в государстве которого в мирное время оказалась многотысячная армия беженцев, сотни убитых, избитых, раненых? — спрашивала я.

— А как вы относитесь к экономической реформе?

— Я не уверена, что социализм без рынка — это прекрасно, но убеждена, что рынок без товаров — гораздо большая нелепость, чем социализм без рынка.

Прекрасно развитое чувство юмора и предельная доброжелательность американцев значительно облегчали общение с аудиторией, снимали напряженность, связанную с недостаточным знанием языка. Во всяком случае, на меня они произвели наилучшее впечатление.

Я очень волновалась, выступая перед профессорами юридического факультета. Один из них привлекал внимание особой доброжелательностью. Он был совершенно счастлив, когда находил удачным мой ответ на вопросы коллег. Я старалась смотреть только на него. Это меня подбадривало. После лекции я подошла к профессору и поблагодарила. В ответ услышала: «Так я же русский». Я перешла на русский язык. Но он, смущенно извиняясь, сказал, что не знает языка. Родился и вырос в Америке. Родители родом из Киева.

Доброжелательность и приветливость — большое достоинство американцев. На улице можно встретить совершенно незнакомого человека, который, радостно улыбнувшись, скажет вам: «Хай!» (привет) — и промчится мимо, затеплив ответную улыбку и желание передать и улыбку, и приветствие другому, неважно кому, просто человеку.

На ужин в доме профессора Дарела Хаммера, кроме

меня, были приглашены коллеги его жены, филологи-слависты. Один из них, внешне типичный русак с безупречным русским языком, оказался немцем, а моя тезка — Галина Лоу — русской из Харбина. Галина пригласила меня на следующий день к себе.

Заехав за мной в гостиницу, она предложила по пути к ней заглянуть в дом ее старых знакомых. Ее знакомый когда-то жил в Германии, женат на немке, много лет живет в США. Выяснилось, что родом он почти из тех же мест, что и я. Он из Белоруссии, а я из пограничного с ней района Смоленщины. Пока в гостиной Галина беседовала с хозяйкой дома, хозяин предложил мне пройти в его кабинет.

«Який пригожий закуточак», — сказала я, входя в маленький аккуратный кабинет. «Божа ж мой, — почти застонал хозяин. — Я ужо полвека не чув роднай мовы». Он был преподавателем русского языка, литератором, журналистом, находящимся ныне на пенсии.

Очень просил найти ему Ольгу Поликарповну Манькову (девичья фамилия), 1936 года рождения, уроженку из города Могилева, БССР. В 1958 году она должна была закончить факультет иностранных языков Минского пединститута им. Горького. Для него это очень важно. Цель оставшейся жизни.

Я предложила воспользоваться моими знакомыми белорусскими журналистами и дать объявление в газете от его имени. Господин попросил помочь найти эту женщину, не называя его имени. Я не стала выяснять причину, сказала только, что сейчас у нас многое изменилось в оценке прошлого. Он ответил, что прошел слишком страшные и жестокие испытания, чтобы изменить их оценку и поверить, что это не может повториться.

Несколько месяцев спустя я оказалась в Минске. Пыталась навести справки, но времени было мало. Минчане обещали мне помочь. Результатов пока нет. Хотелось бы надеяться, что кто-нибудь, прочтя эти строки, поможет найти Ольгу Поликарповну. Сделайте, пожалуйста, доброе дело. Имя и адрес господина из Блумингтона у меня есть.

Нам с Галиной Лоу давно пора было уезжать, а хозяин, как о последней милости, просил задержаться, еще «трошечку погомонить з им». Наконец, поздним вечером мы подъехали к дому Галины. Она нажала находящийся в машине пульт управления: дверь гаража медленно поползла вверх, машина въехала в дом. Галина заказала по телефону пиццу и все необходимое для ужина и, оставив меня в квартире, поехала забрать заказ. Я просматривала книги. Среди книг роскошное двухтомное издание в черном переплете с белыми буквами «Россия». Как и в библиотеке Провиденса, искусство

России здесь было представлено преимущественно русскоязычными, а не русскими художниками, писателями, поэтами. Был Светлов, Ахмадулина, но не было Твардовского, Рубцова и т. д.

В доме Галины русские сувениры. Чувствуется, что живет здесь русский человек. Галина рассказала, что ученые степени и звания получены в США и достались ей, приехавшей из Харбина уже взрослым человеком, очень нелегко. Помогло то, что в США в последние десятилетия интерес к изучению России и русских резко возрос, расширилась и углубилась подготовка специалистов русского языка. Мы проговорили до полуночи, потом она отвезла меня в гостиницу. Мое насыщенное впечатлениями пребывание в Блумингтоне заканчивалось. На следующий день я вернулась в Провиденс. Была середина апреля. Город выглядел очень нарядным. Его сильно украшали причудливые цветущие деревья со странными названиями типа «собачье дерево», декоративные кустарники разных цветовых оттенков зеленого и красного, аккуратно подстриженные газончики с тюльпанами и нарциссами, живописно окружавшими старые деревья. Земля в Америке стоит дорого, потому в заброшенном состоянии почти не встречается. Небольшие земельные участки, прилегающие к дому (обычно сотки 2—3), используются для газонов, цветников, декоративных кустарников, иногда деревьев.

НИНА БАХТИНА

Мы на чужие небосводы
Угнали сонмы наших звезд.
Иван Савельев.

Что ни говорите, а я верю в судьбу. Может, потому не рискую ее предугадывать, испытывать. В конце 70-х годов в Болгарии моя коллега, историк права Фани М. пригласила поехать с ней к ее родственнице, знаменитой болгарской ясновидящей, предсказательнице судеб бабке Ванге. Услышав мой отказ, Фани решила, что я просто не знаю, кто такая Ванга, или, может быть, не верю ее предсказаниям. Фани рассказала мне о множестве ее сбывшихся предсказаний, в том числе о том, как Ванга сказала советскому писателю, что вскоре после возвращения на Родину сгорит его литературный архив. Он, вернувшись, перевез свой архив с городской квартиры на дачу, где тот и сгорел. Я слышала об этом и других случаях сбывающихся предсказаний Ванги, но заглядывать в свое будущее не желала, полагая, что если меня ждет удача, то неожиданная удача принесет больше радости,

а если беда, то тем более не следует заранее волноваться в ожидании оной.

Верила и верю, что наше будущее в значительной мере предопределено, что оно неотвратимо существует уже сегодня. Каждый рождается с определенной судьбой, которую можно улучшить или ухудшить, но нельзя отвратить. Мне такая позиция не мешает, а скорее помогает жить, освобождает от излишних страхов и опасений. Веруя в судьбу, я не люблю ее испытывать обращением к гадалкам, предсказательницам, колдунам.

Так вот, видимо, судьба подкинула мне накануне отъезда в США письмо Нины Бахтиной. В письме взволнованно, с болью сердечной писалось о трагедии уничтожения русской интеллигенции с первых лет Советской власти, в том числе о гибели деда автора письма академика Бахтина. Под письмом стояла подпись: Нина Бахтина, Нью-Йорк. Позвонила в редакцию журнала «Наш современник», где было опубликовано письмо, сказала, что завтра улетаю в Нью-Йорк, и попросила дать адрес Н. Бахтиной.

Прибыв в США, послала Бахтиной письмо с благодарностью за ее журнальную публикацию, указав свой адрес и телефон в Провиденсе. Вскоре раздался телефонный звонок, и Нина Бахтина сказала, что читала мои работы и будет рада повидаться со мной, что как раз сейчас она читает журнал «Москва» с моей статьей «России нужно равенство». Через день она позвонила вновь, сообщив, что ее знакомые русские американцы, узнав, что в США одна из известных русских женщин, попросили выступить перед русской общиной в пригороде Нью-Йорка.

Я сказала, что это ошибка, меня, видимо, перепутали с какой-то иной Литвиновой, так как моя фамилия не может быть известна в США. Нина спросила: «Вы та Литвинова, которая вместе с Брюсовой и Пономаревой в 1987 г. написали письмо на пленум ЦК КПСС в защиту русских писателей?» «Да, — ответила я, — но откуда Вам известно это письмо, ведь оно никогда нигде не публиковалось?»

И тут выяснилось, что в США оно публиковалось неоднократно в самых различных изданиях. Оказалось, что один экземпляр этого письма, ходивший в Москве в «самиздате», попал в редакцию издающейся в Нью-Йорке русскоязычной газеты «Новое русское слово». Газета, снабдив письмо огромным предисловием, где говорилось о великорусском шовинизме и антисемитизме в России, опубликовала, спасибо ей, полный текст письма.

Русские американцы, не воспринимающие защиту русской национальной культуры как проявление шовинизма и

антисемитизма, сделали свой вывод: жива Русь, коль есть в ней такие воительницы. Письмо было переиздано русскими периодическими изданиями, которых, как выяснилось, в США несколько, в многочисленных ксерокопиях разошлось по всем русским общинам. Таким образом имена и позиции трех женщин, выступивших против проявления русофобии в СССР и в России, стали известны Русской Америке.

Мы договорились, что 20 апреля, за три дня до отлета в Москву, я приеду в Нью-Йорк. В тот же день Анатолий Григорьевич Рытиков, сын русских эмигрантов, рожденный за рубежом, но считающий себя, как и его отец, казаком, отвез меня в Ново-Дивеево, где находились женский монастырь с православной церковью и русское кладбище с березками.

В монастырь приехали к обеду. Отправились в трапезную, где я сразу почувствовала себя среди своих. За длинным столом напротив меня сидели три женщины. Одна постарше и две молодые. Видимо, мать и дочери. Говорили по-русски, на моем родном диалекте.

«Бабоньки, откуль вы, ти не со Смоленщины?» — спросила я. Угадала. Старшую из них в войну девчонкой-подростком вывезли в Германию. Дочери родились в Америке, унаследовав от матери не только тип лица, но и близкий к белорусскому смоленский диалект русского языка. Старшая сказала, что ее мечта — побывать на родной Смоленщине. Она надеется ее осуществить.

Обед подходил к концу, когда позади себя я услышала хорошо поставленный голос: «Да стибрили его у тебя, говорю, стибрили». Я повернулась на голос и совершенно неожиданно увидела строгую, стройную, величественную даму весьма преклонных лет с профилем, скорее кавказским, чем славянским. Она была в черном платье с серебряной декоративной цепочкой и того же стиля серебряными браслетами и кольцами.

Анатолий Григорьевич подвел меня к ней и представил: «Елена Петровна Мейендорф, урожденная Врангель». Это была дочь Врангеля, удивительно похожая на отца не только лицом и высокой стройной фигурой, но и довольно воинственным характером. Елена Петровна незадолго до того похоронила сына. Видимо, это было причиной ее пребывания в монастыре.

Наши номера в монастырской гостинице оказались рядом, Елена Петровна сказала, что привыкла на ночь что-то читать. Мы обменялись чтивом. Я дала ей журнал «Москва», а она мне томик прекрасных стихов Кленовского. Я никогда раньше не слышала ни его стихов, ни его имени. Этот утон-

ченный талантливый русский поэт не издавался у себя на Родине.

Наутро за завтраком Елена Петровна спросила: — Почему вы их терпите, не расстреляете?

— Кого? — не поняла я.

— Как кого? Горбачева, Шеварднадзе, Яковлева, прочих и прочих «перестройщиков». Вы что, не видите, как они разоряют, предают и продают Великую Россию? Как ездят сюда за инструкциями по развалу и уничтожению государства без очередной мировой войны?

Что ей было ответить, когда способных защитить Родину методично уничтожали и изгоняли? Что в трех поколениях безжалостно выбивалось русское национальное самосознание, внушалась психология второсортности, вины перед всеми нерусскими?

Зашли в храм. Постояли на службе. Все как в России, только прихожане иные, хотя и русские, но словно элита русская собрана в храме. Елена Петровна, здороваясь с ними, называет имена знаменитых русских фамилий.

Заглянули в монастырский приют для престарелых. Здесь в Ново-Дивеево их не очень много. У каждого своя комната с любимыми вещами. Каждая комната убрана по-своему. Имеются общая комната для молитв, гостиная с телевизором и видео. Через общий коридор можно пройти в трапезную.

Профессор медицины Валентин Ермаков и директор русского культурного центра в Отраде Николай Михайлович Зарудский предложили съездить в находящуюся поблизости Толстовскую ферму, созданную Толстовским благотворительным фондом. Здесь доживали свой век глубокие старики, многие из которых сами не могли передвигаться. Медсестры вывозили их на прогулку в колясках. Среди них была 96-летняя Ольга Спесивцева — великая русская балерина, покорявшая Петроград, Лондон, Париж, Сидней, танцевавшая с С. Лифарем и В. Нежинским в труппе С. Дягилева. Она жила здесь с 1963 г. и умерла 16 сентября 1991 г., не дожив одного дня до открытия в Парижской Гранд Опера выставки русского балета, украшенной ее портретами.

В отдельном коттедже на территории Толстовской фермы проживает великая княжна Вера Константиновна. Мы пошли ее навестить. Мои спутники представили меня. Преклонного возраста утомленная дама с больными ногами сидела в кресле-коляске и с полным безразличием отнеслась к нашему визиту, едва поддерживая беседу. Но вот разговор зашел о возрождении монархических организаций в России, и княжна заметно оживилась. А когда я сказала, что у великого князя

Владимира Кирилловича в России растет число поклонников, Вера Константиновна взорвалась негодованием по поводу тех, кто прочит на российский престол Владимира Кирилловича. Она энергично перечислила те статьи закона о престолонаследии, которые в этом случае, по ее мнению, были нарушены. Поводом для таких суждений был брак отца Владимира Кирилловича, который расценивается великой княжной как морганический, т. е. неравнородный. Насколько я поняла, великая княжна не одинока в своих суждениях.

В ОТРАДЕ, ЧТО ОКОЛО НЬЮ-ЙОРКА

В воскресный день, 21 апреля, на который было назначено мое выступление, разразилась страшная гроза. Я подумала, что немногие в этакий беспросветный ливень с громом и молниями отправятся в пригород Нью-Йорка, в Отраду, где назначена встреча. Когда же вошла в зал, переполненный прекрасными, одухотворенными славянскими лицами, меня охватило волнение, с которым долго не могла справиться. Некоторое время не могла говорить. Едва сдерживая слезы, обратилась к залу со словами: «Дорогие мои соотечественники, братья и сестры. Надеюсь, вы позволите мне так называть вас, ибо уверена, что любовь к нашему Российскому Отечеству и многострадальному народу русскому, озабоченность их судьбами собрала всех вас здесь, несмотря на непогоду». Сразу почувствовала поддержку зала. Дальше прошло несколько часов предельно искреннего разговора с людьми, близкими по духу, объединенными Русской идеей.

Присутствующие в зале были в основном детьми первой волны эмиграции и представители второй. Этим русским, пожалуй, в большей мере, чем советским, были понятны мои рассуждения об антирусской направленности большевистской революции, обезглавившей русскую нацию физическим уничтожением либо изгнанием за рубеж ее лучших умов, нарушившей генофонд нации почти поголовным истреблением казачества и непрекращавшейся войной с крестьянством, растерзавшей душу и духовность нации сатанинской борьбой с православием. Так, православных священнослужителей баржами топили в море, живьем закапывали в землю, расстреливали. С представителями иных конфессий так не обращались. Все это было пройдено через жизнь и смерть отцов и дедов присутствовавших, а некоторые из них и сами помнили жестокие картины большевистской революции.

Когда речь пошла о перестройке, которую справедливо оценивают как вторую революцию, и о том, что перестройка

имеет своим результатом усиление дискриминации русского народа во всех сферах социально-экономической и культурно-политической жизни, то почувствовалось, что этот тезис требует аргументации и на нем надо остановиться подробнее, привести примеры.

В отличие от других народов Советского Союза, имеющих свою национальную государственность, причем иногда не одну, а две, русские лишены каких-либо национальных государственно-политических структур. Азербайджанцам, например, можно было иметь два национальных азербайджанских государства: Азербайджанскую ССР и Нахичеванскую АССР, грузинам — два грузинских государства: Грузинскую ССР и Аджарскую АССР. Но даже робкие попытки репрессированного, но до сих пор не реабилитированного [1] казачества поставить вопрос о своей автономии преследуются грубым окриком. Им де национальная государственность ни в каком виде не положена!

Расширение в ходе перестройки так называемых национальных, а точнее, этнических, суверенитетов, не распространяемое на русских, ставит последних в положение второсортных граждан не только в национальных республиках, но и в Центральной России.

Согласно опубликованному осенью 1990 г. проекту новой Конституции Российской Федерации, территорию входящих в состав России республик и автономий нельзя менять без согласия их народа и властей, тогда как для изменения территории русских областей согласия ни их населения, ни самого народа русского не требуется. Все вопросы изменения территории русских земель будет решать, как и прежде, центр. А как он решил, известно: дарил русские земли — прибалтам, дарил земли уральских казаков вместе с казаками — казахам, Крым — Украине и т. д.

Дискриминация русских в государственно-политической сфере выражается и в том, что в результате грубых нарушений избирательных законов представительство русских в составе депутатов СССР оказалось значительно ниже, чем в составе населения. В некоторых местах, в частности в Прибалтийских республиках, у русских возможность послать своего депутата в высший орган страны оказалась в 2—3 раза меньшей, чем у так называемого «коренного» населения.

Можно себе представить, что было бы, если бы эстонцы, литовцы или латыши оказались представленными в 2—3 раза меньше в органах власти, чем в составе населения. Сколько было бы протестов по поводу «нарушения прав человека»,

[1] В 1992 г. Верховный Совет РФ принял Постановление «О реабилитации и возрождении казачества».

не говоря уже о направленности государственного развития Прибалтийских республик.

Протесты же русских и русскоязычных депутатов от Прибалтийских республик на I съезде народных депутатов были оставлены без всякого внимания.

Вдохновленные попустительством Центра, националисты в последующей избирательной кампании в процессе выборов в республиканские и местные органы власти усилили политическую дискриминацию русских. И вот результат: в депутатском корпусе всех уровней русские представлены гораздо ниже, чем в составе населения. Ограничив участие русских в работе высших и местных органов власти, не трудно было ущемить их национальные интересы в иных сферах.

Идет разграбление и распродажа экономических и культурных ценностей народа. Мафиозные структуры безнаказанно вывозят за рубеж природные ресурсы, в том числе невосполнимые, промышленные и продовольственные товары, предметы искусства. Одних только старинных икон вывезено за годы перестройки 80% из оставшихся в стране. Русские заняли первое место по темпам демографической деградации: с ускорением идет процесс вымирания русских земель, катастрофически падает рождаемость, растет смертность, ухудшаются показатели физического и психического здоровья населения, особенно детей. Русские области оказались в наихудшем экономическом положении. Здесь, особенно в Москве и Петербурге, самые высокие темпы роста дороговизны и падения уровня жизни основных слоев населения.

Все это не в последнюю очередь содействует развалу не только Союза ССР, но и РСФСР. Никто не желает быть в Союзе с разграбленными, разоренными, преданными и проданными русскими, у которых нет не только национальных государственных структур, нет даже национального русского (а не русскоязычного) радио и телевидения.

Продолжая массовое организованное заселение центральных русских земель узбеками, таджиками и другими представителями республик Средней Азии и Закавказья, российские власти отказывают в помощи русским беженцам, желающим переехать в Россию. Всякая попытка русских поставить вопрос о своих национальных интересах тотчас оценивается властями как проявление великорусского шовинизма, а то и фашизма.

Положение русских в России и в СССР вызвало множество вопросов и стало предметом широкой дискуссии на заседании «Круглого стола», участниками которой были заранее объявленные русские американцы: протопресвитер,

издатель журнала «Возрождение» отец Александр Киселев; общественный деятель, редактор журнала «Перекличка» и интереснейшей книги Ю. Изметьева «Россия в XX веке» Н. В. Козякин; председатель Американской секции международного общества прав человека С. Н. Падюков.

Обсуждалась обоснованность прогнозов американского демографа М. С. Бернштама относительно того, сколько лет осталось жить русскому народу, исчезнет ли он в грядущем XXI веке, превратится ли в незначительное национальное меньшинство среди народов СССР, как предотвратить угрозу вымирания, нависшую над русским народом, под которым все единодушно понимали и великороссов, и белорусов, и украинцев, и казачество, и русинов закарпатских. Для русских американцев все они, независимо от этнической принадлежности, русские, объединяемые русской православной церковью. Любая попытка противопоставить части русского народа друг другу, разорвать или нарушить их многовековое единство, скрепленное тысячелетней историей, в которой последние семь десятилетий лишь мгновение, вызывала протест, воспринималась как зло, нацеленное на ослабление и разрушение великого народа.

При всей остроте русского вопроса и разнообразии подходов к нему, особенно в оценке причин разрушения и разорения Союза ССР, России, всех выступавших объединяла добрая заинтересованность в судьбах России и русского народа, его духовного, социального и экономического возрождения. Встреча, начавшаяся в 3 часа дня, завершилась лишь к ночи.

Вернувшись с вечера, я не могла уснуть, переполненная впечатлениями от встречи с прекрасными людьми, не забывшими за десятилетия, а то и поколения разлуки с Родиной, ни страны, ни народа своего, оставшимися более русскими, озабоченными судьбами России, чем мы, живущие в ней. Вновь и вновь перед глазами всплывали взволнованные лица, выступления, вопросы, реакция на мои ответы, в том числе на вопрос о том, каково мое отношение к эмигрантам первой, второй и третьей волны. В отличие от третьей, последней волны миграции 60—80-х годов, волны, уносящей людей, озабоченных главным образом поиском более сытой жизни, первые мигранты (1917—20-х годов) и вторые (1941—1945 гг.) оставляли Россию, как правило, выбирая между смертью на Родине и пусть трудной, но жизнью на чужбине. Им можно сочувствовать, но осуждать их грех.

Заснула лишь под утро, когда уже рассвело. Разбудил телефонный звонок. Одна из устроительниц вечера, Людмила Дмитриевна Гаркуша сказала, что, проводив меня, организа-

торы еще долго обсуждали, что делать. И вот приняли решение: не выпускать Литвинову из Америки, пока она не проедет всю русскую Америку, не расскажет русским американцам других городов, что рассказала в Отраде под Нью-Йорком.

Но, возразила я, у меня уже закомпостирован билет на завтрашний рейс Аэрофлота, да и денег нет. А у вас есть видеозапись вчерашнего вечера, разошлите пленку по городам, где есть русские, и все. Но мне ответили, что пленка — это не то, с деньгами и обратным билетом никаких проблем не будет. Все это русские американцы берут на себя. Единственная проблема, которая их беспокоит, что с моим отпуском и работой. Я сказала, что именно здесь проблем нет. Я не полностью использовала отпуск за прошлый, 1990 год, и есть целый отпуск за 1991 год. У меня в запасе еще два месяца. Этого оказалось достаточно, чтобы побывать в тех городах США, где много русских.

Потребовалось лишь три дня, чтобы составить и согласовать программу моей поездки по городам русской Америки, разбросанной от северовосточного побережья Атлантического океана до побережья Тихого океана на Западе и Мексиканского залива на юго-востоке. Так по воле судьбы началось мое совершенно неожиданное путешествие по удивительной русской Америке, о которой до того мне было мало известно.

РУССКИЕ АМЕРИКАНЦЫ

«Родиться русским слишком мало.
Им надо быть, им надо стать».
И. Северянин.

Я и представить себе не могла, что в Америке так много русских, а главное, что они не менее, а то и более русские, чем мы, живущие у себя дома. Сказанное относится к эмигрантам первой и второй волны и их потомкам. На встречах были в основном они, жила я в их домах, общалась преимущественно с ними, хотя встречалась и с представителями третьей, последней волны, в которой русские составляют явное меньшинство. Пожалуй, слова «русская эмиграция» следует относить только к первой — послереволюционной и второй — военной миграции. Третью эмиграцию правильнее называть «русскоязычной».

Удивило социальное и материальное положение русских американцев. Нет нужды доказывать, что уровень материального благополучия среднего американца выше, чем у советского гражданина. Это всем известно. Но то, что материальное и социальное положение русских американцев выше среднеамериканского, оказалось неожиданностью. Меня,

хорошо знавшую статистические данные, свидетельствующие, что социально-экономическое и культурно-политическое положение русских в СССР гораздо ниже, чем у среднего советского гражданина, положение русских американцев приятно удивило. Оно опровергало нелепые попытки объяснить приниженное положение русских в СССР и России нашими национальными недостатками, неумением работать, леностью и т. д.

Я познакомилась с судьбами многих эмигрантов. Многие прошли тяжелые испытания перемещенных лиц. Почти все знают по несколько иностранных языков. Специальное образование получали на чужом языке. Как специалисты зарекомендовали себя с наилучшей стороны.

В отличие от СССР, в США русских не называют «имперской нацией», с «тоталитарным мышлением», «угнетавшей и эксплуатировавшей другие народы». Правда, русских эмигрантов нередко подозревали в прокоммунистических, большевистских позициях, им приходилось доказывать, что они не проповедники, а жертвы большевизма. На этой почве нередко возникали неприятности даже у детей, которых в школе дразнили «русскими коммунистами». Американская пропаганда часто большевизм и коммунизм называет «русским», против чего боролись и борются русские эмигранты. Отмечу, что русский и российский в английском языке обозначается одним словом, а СССР долгое время по старинке называли Россией.

Русские американцы, сохранив в строгости многие из тех национальных обычаев и традиций, которые мы умудрились утратить, кое в чем американизировались. В частности, они редко обращаются друг к другу по имени и отчеству. Ограничиваются либо именем, либо фамилией, добавляя в последнем случае перед фамилией слово «господин» или «госпожа». Поэтому отчества многих для меня остались неизвестными. Я обращалась к ним также по имени или фамилии.

Пока Людмила Гаркуша составляла и согласовывала с разными городами программу моего путешествия, я побывала в гостях у русских американцев, живущих в Нью-Йорке либо не слишком далеко от него. Перед выступлением в Отраде я обедала в семье господ Рымаренко. Отец Андриан много сил вложил в Ново-Дивеевский монастырь, в создание красиво оформленного русского кладбища. Сын его Сергей — хозяин дома — медик, создал крупную медицинскую лабораторию, обеспечив ее высокий престиж непогрешимостью производимых здесь анализов. На обеде, кроме меня, присутствовали супруги Зарудские и Ермаковы. Профессор медицины Ермаков рассказывал о том, какое у него чудесное

поместье. Приглашал в гости. Договорилась навестить господ Ермаковых вместе с супругами Рымаренко на их страшно умной машине. Машина эта не только показывала скорость в милях и километрах, температуру по Цельсию и по Фаренгейту, но даже, получив программу маршрута, сама знала, где на какую дорогу надо свернуть.

Я никогда не была в гостях у русского миллионера, и было любопытно увидеть, как они живут, каков их быт. Жили Ермаковы в стороне от большой дороги. К дому вела узкая гладкая проезжая дорожка.

Низкий приземистый дом стоял на высоком живописном холме. За домом — стена елового леса. Несколько красивых елей подступали к дому. Перед фасадом — цветник и фонтан. Дальше большой луг, плавно спускающийся к реке, за которой лес. На лугу к реке спускается несколько искусственных прудов. В одном из них плавало множество золотых рыбок. Оказалось, что прошлой осенью хозяева, уезжая в длительную поездку, выплеснули из аквариума рыбок в пруд. А когда вернулись, пруд оказался замерзшим. Они решили, что рыбки погибли. Но сейчас, весной их обнаружилась огромная стая. Никто не думал, что они могут зимовать в пруду, да еще так размножаться.

Известный профессор медицины, большой знаток и любитель классической, особенно русской музыки, свободно владеющий несколькими иностранными языками, Валентин Ермаков в русском языке постоянно делал ошибки, мешая великорусские и малорусские слова. Его жена Алла — профессор русского языка — постоянно поправляла супруга: «не слухаю, а слушаю, не трошки, а немного» и непременно добавляла: «турок ты завоеванный».

— Валя, почему Алла зовет Вас турком? — спросила я.

— Так я турок и есть. И в паспорте так записано.

— Вы турок? А я думала, казак.

— Я сын русских эмигрантов, из казачества. Но родился я в Турции. Потому и национальность записана по законам Турции — турок. Вот уже несколько десятилетий пытаюсь доказать, что воробей, рожденный в конюшне, не лошадь. Никого пока убедить не удалось. Так и хожу в турках.

Действительно, во многих странах национальная принадлежность определяется гражданством. В США ты можешь принадлежать к любой этнической группе, но если ты гражданин США, то ты американец и никаких национальных суверенитетов, кроме американского, быть не должно.

Съездили в расположенный неподалеку Джорданвильский монастырь. Посмотрели библиотеку, русский музей, зашли в издательский отдел. В издательском отделе все мо-

нахи были выкрестами (из евреев). Они пожелали работать именно здесь. Кстати, среди выкрестов есть негры, французы и другие, по разным причинам принявшие православие. Взяв с собой отца Петра, вернулись обедать к Ермаковым. На обед был олень, которого Валентин подстрелил в своих обширных владениях, и грибы из собственного леса. В открытые окна вливался птичий гомон. Множество причудливых птиц подлетало к кормушкам у окон. Я обратила внимание на то, что подкармливали их господа Ермаковы очищенными семечками подсолнуха. Спросила, не слишком ли это дорого. Оказалось, что нет. Уборка за ними шелухи стоила бы дороже.

После ужина говорили о новых властях России. Валентин ругал тезис Ленина, что кухарка или рабочий способны управлять государством. «Смотря какой рабочий, — возразила я. — Лех Валенса тоже рабочий, да и русский рабочий из Сибири Матюха, выступивший на II съезде народных депутатов, высказал больше дельных мыслей, чем иные академические словоблуды». Валентин оживился: «Как фамилия, на каком съезде? Сейчас проверим». Он ушел в видеотеку. Это целая комната, где на стеллажах видеокассеты. Быстро нашел нужную пленку. Послушал. «Да, дельное выступление. А я его пропустил. Услышал, что рабочий, и прокрутил». Я спросила, как он ухитряется столь тщательно следить за жизнью в России, иметь все видеозаписи концертов русских музыкантов, композиторов, певцов, выступлений политических деятелей. «Я — русский», — гордо ответил Валентин. «Но ведь Вы работаете, когда успеваете записывать?» — спросила я. Он сказал, что просматривает заранее программу телепередач, программирует запись с телевизора нужных программ и уезжает на работу, а вечером просматривает уже записанные кассеты. «А Вы так не поступаете? — спросил он. — Это удобно». У меня не только столь совершенного, но и вообще никакого телевизора в доме не было. И меня это совсем не огорчало. Валентин сказал, что некоторые американские семьи тоже отказываются от телевизора, особенно, если в семье дети. Но русские должны видеть Россию — хотя бы по телевидению.

Разговор о России, ее судьбах, ее культуре, о богатстве и бедности затянулся за полночь. В ответ на мое заявление, что впервые присутствую в компании столь богатых русских людей, услышала: «Мы беднее вашего бедняка, у которого есть самая большая ценность — Родина». Еще раньше, в Ново-Дивееве, один из русских грустно сказал: «Я прожил свою жизнь и, подводя итоги, могу сказать, что мои немалые

силы и способности отданы на благо чужой страны и чужого народа...».

Наутро я проснулась рано. Было тихо и сонно. Потихоньку вышла из дома полюбоваться на цветы, луг, лес, освещенные восходящим солнцем. Валентин сидел на корточках и пропалывал цветы. Рядом с ним стояло ведро, уже заполненное выдранными сорняками. Я предложила ему помочь. «Нет, спасибо. Это для меня как зарядка — утром прополоть кусочек цветника». Судя по всему, в доме миллионеров слуг не было. Он нанимал рабочих только для определенных строительных и лесохозяйственных работ. С гордостью сказал, что посадил несколько тысяч елок, и добавил, что это к тому же выгодное занятие: площади, засаженные лесом, освобождаются от налогов. Словом, разумная налоговая и экологическая политика.

Сразу после вечера ко мне подошла симпатичная блондинка и представилась: «Я тоже Галя и тоже Литвинова (урожденная), возможно, мы с Вами еще и родственницы». Я сказала, что Литвинов — это фамилия мужа, к тому же измененная. 15-летним мальчишкой он сбежал на фронт, соврал, что родители погибли. Его приняли сыном полка. Сказали, что Литвин — это по-украински, а по-русски будешь Литвинов. Так он из семьи Литвиных стал Литвиновым. Но выяснилось, что и у родителей моей тезки фамилия также менялась. Тогда поискали корни. Предки моего мужа и сам он родом из Полтавской области. Галины родители тоже оттуда. Галина просила: «Приходите в гости, я Вам фотографии папы, дедушки, бабушки покажу. Может, что-то общее найдете». Пошла. Трудно сказать, может, и родня, но не мне, а моему сыну.

Галя оказалась человеком очень интересным. Родилась в Харбине в семье инженера-железнодорожника. С мужем приехала в Америку. Жить было очень трудно, муж часто болел. Она не могла работать, так как дочь была маленькой. После смерти мужа совсем было растерялась. Но потом взялась за дело. Сдавала в аренду часть дома. Накопив денег, купила еще один дом, потом еще. Тогда они были сравнительно дешевые. Сегодня Галина богатая женщина, владелица нескольких домов. Один из них — небоскреб в центре Нью-Йорка. Сама она занимает в этом же доме довольно скромную двухкомнатную чистенькую квартирку. Мечтает побывать в России, которую никогда не видела. Надеется в июле—августе быть в Москве. Я дала ей свой адрес. В Москве мы потом встретились. Ездили в Суздаль, Владимир, и хотя жизнь наша нынче убога как никогда, я видела, что Галина рада встрече и знакомству с Родиной, которую до

этого никогда не видела. Из Москвы она поехала на Украину.

Другая пригласившая меня дама была Ася Сорокина, урожденная Гончарова, дальняя родственница Натальи Гончаровой-Пушкиной. Она была моей землячкой. И школу она кончала в Смоленске, по соседству с той, которую кончала я, на Покровке. Ее родители — дворяне были расстреляны в первые годы Советской власти, а ее, совсем малышку, отдали в детский дом. Когда подросла, какая-то сердобольная старушка, хорошо знавшая родителей, рассказала о них. Велела помнить, но держать эту память строго в тайне, а то и дочь постигнет та же жестокая участь. Окончила школу, институт, училась хорошо. Потом работала в Смоленской газете вместе с А. Твардовским. Говорила, что сирота, родителей не знает. Всегда боялась: вдруг раскроется тайна ее дворянского происхождения. Во время войны была вывезена на работу в Германию. Назад возвращаться побоялась. Теперь хотела бы, да не может. Серьезно больна для такого путешествия. Все последние годы жила мечтой поехать в Смоленск. Сейчас начинает понимать, что мечта эта несбыточная. Попросила меня взять у нее доллары и купить в память о встрече с землячкой подарок. От денег я отказалась, а на память попросила одну из прекрасных искусственных роз, как бы чуть-чуть увядающую. Ася кинулась, чтобы отдать мне весь большой букет. Я взяла три. Сейчас они у меня на столе — красивое напоминание об умной, чудесной моей землячке, которая прощалась со мной, словно с частицей своей родной и любимой, но уже недостижимой Смоленщины. Обе плакали.

Еще об одной яркой личности, жительнице Нью-Йорка, хочу вспомнить — об Ольге Карповой. Отец ее серб, и она часто ездит в Сербию, где много родни. Иногда бывает в России, откуда родом мать. Русским был покойный муж. Она осознает себя одновременно сербкой и русской, но не американкой, хотя в США прожила большую часть жизни. Ольге за 60, но человек она совершенно неукротимой энергии. Доктор филологии с хорошим знанием русской литературы. Диссертацию защитила в США, когда ей было около 50 лет. Работала много лет в ООН. Сейчас вышла на пенсию. Ольга настояла, чтобы я непременно побывала в ее доме и познакомилась с библиотекой. Мы встретились у метро, недалеко от ее дома. Дом добротный. На лестницах ковры, на лестничных площадках зеркала, цветы. По дороге к дому зашли на рынок. Ольга непременно хотела угостить меня всеми достопримечательностями рынка. Если выясняла, что я незнакома с тем или иным орехом или фруктом вроде киви, тотчас покупала.

Плотно пообедав и перепробовав массу блюд, осмотрели довольно большую квартиру. В гостиной мое внимание привлекла большая икона. Оказалось, что это вышивка мельчайшим крестом — работа Ольги. В доме были красивые керамические и фаянсовые вещи, часы, кувшины, вазы. Все они тоже оказались плодами творчества Ольги. За небольшую плату она брала уроки в специальной мастерской.

Библиотека была действительно любопытной. Много книг о России и Югославии. Показала недавно изданную в Белграде на сербско-хорватском языке огромную книгу о масонах XX века. Есть в ней и раздел о масонах — коммунистах. С удивлением нашла в ней материал о маршале М. Тухачевском и других наших известных соотечественниках.

Ольга, выражая недовольство коммунистами, ругала их самыми нехорошими словами, но на сербско-хорватском. Узнав, что я понимаю язык, слегка смутилась, но потом долго смеялась.

У Ольги есть дача на побережье, недалеко от ее городской квартиры в Лонг Айленде. Я предложила поехать посмотреть дачу. Мне, как члену садово-огородного кооператива научных работников, было любопытно увидеть дачу американского научного работника-пенсионера.

Дача оказалась небольшим уютным домиком, размером почти такая же, как у нас, приблизительно 6 на 6 метров (т. е. 36 квадратных метров), одноэтажная, с полуподвалом. Гостиная, столовая, две спальни и две ванных комнаты, расположенных наверху и в цокольной части дома. Ванная комната такая же, как и в городской квартире. Земельный участок соток пять. Точно определить размер трудно, так как в США до сих пор сохранилась архаичная система мер: акры, фунты и т. д. Как правило, большими участками земли обладают лишь очень богатые люди. Средний американец, живущий в индивидуальном доме, — а большинство русских, у которых я была, живут именно в односемейных частных домах, — имеет участок, прилегающий к дому, размером в 5—6 соток. Частные дома, как правило, составлены из тонких панелей, между которыми проложен утеплитель. Наружные стены иногда очень похожи на досчатые. Но «доски» эти пластмассовые. Дерево стоит очень дорого.

Общаясь с Ольгой, я имела возможность еще раз убедиться в глубоких симпатиях сербов к русским. В США они объединяются с русскими в одних и тех же церковных приходах.

Ольга выросла в Югославии, где эмигранты первой волны нашли добросердечный приют. В Белграде до 40-х годов был русский кадетский корпус, в котором обучались дети

русских эмигрантов. Они до сих пор регулярно проводят съезды кадетов. Причем съезды проходят раз в два года в разных странах: в Аргентине, Канаде, разных городах США и др. К ним готовятся серьезно, собираются дружно, с семьями. В числе организаторов упомянутый выше Валентин Ермаков и его брат Алексей. Мне показывали видеозапись одного из таких съездов: торжественное открытие, внесение знамен, праздничное настроение, патриотические речи, концерт из русских произведений, исполнители тоже все русские. В современной России такого не увидеть.

От Ольги я услышала о страшной трагедии послевоенного казачества. Я знала об организованных в России Свердловым в 1918—1919 гг. поголовных расстрелах казаков. А о послевоенных репрессий слышала впервые.

В мае—июне 1945 г., когда война уже была закончена, казаков вместе с семьями (многие были женаты на сербках) стали принудительно отправлять в СССР. Многие из них оказались на территориях, занятых союзническими войсками, к которым казаки относились с доверием. Но союзники, особенно англичане, их разоружали и сдавали представителям советских органов. Пытавшихся бежать расстреливали. Многие кончали жизнь самоубийством. При перегоне на мосту через Драву женщины, взяв на руки детей, бросались в реку и гибли.

БОСТОН

Согласно программе, составленной Людмилой Дмитриевной Гаркушей, из Нью-Йорка я направилась в Бостон, а затем через все часовые пояса Америки от Атлантического до Тихого океана проехала поездом. На втором этаже вагона, сплошь застекленном, сидя во вращающихся креслах, можно было любоваться разнообразной и красивой природой страны, беседовать с попутчиками, а вечером смотреть телевизор.

Американцы народ общительный. Легко, порой наивно и доверчиво делились они своими бедами и радостями, рассказывали, куда и зачем едут. Одна из них поведала, что направляется к замужней дочери, которая вчера родила третьего ребенка, а старшему всего 5 лет. Она на пенсии и решила помочь дочери в уходе за детьми. Муж ее с этим согласился, но она беспокоится, как он будет справляться с домашним хозяйством.

Молодые девушка и парень — члены какой-то христианской секты (я так и не поняла, какой; возможно, это были меннониты) — объясняли основы и принципы их религии, уверяя, что она мудра и прекрасна. Выяснив, что я из православной семьи, но не очень верующая, стали убеждать перей-

ти в их веру. Стараясь не обидеть настойчивых спутников, я сказала, что никогда не одобряла переход в другую религию, воспринимала это как измену, предательство веры предков. Моя недостаточная крепость веры не есть отказ от веры предков, а результат богоборческой деятельности государства и общества, в котором выросла и живу.

Доброжелательность, улыбчивость — приятная особенность американцев. Но были и исключения. Правда, эти исключения нередко составляли новообращенные американцы. В. Аксенов в статье «Новые русские племена», опубликованной в американской газете «Русская жизнь» от 12 сентября 1991 г., так характеризовал это племя эмигрантов: «...страдая от всех этих омерзительных «пятых пунктов», эти люди вдруг оказались «русскими», покинув свою родину. Не думаю, что это замечательное приобретение или предмет гордости — замечательным приобретением для этих людей является как раз возможность больше не смущаться своего еврейского происхождения, а, напротив, гордиться принадлежностью к своей великой нации — это всего лишь данность; они не могли стать русскими среди русских, и они стали «русскими» среди нерусских... Если уж тянет современного русско-еврейского интеллигента в храм, то это скорее православная церковь, чем синагога».

Однако в Америке, называя себя русскими и православными, евреи, как правило, оставались евреями, людьми, озабоченными прежде всего судьбой и интересами еврейского народа. Я столкнулась с этим в Бостоне, где небольшая, но очень активная группа таких «русских» (человека 3—4) пришла на доклад в церковь, прихожанами которой они были. Они-то и засыпали меня вопросами не вполне доброжелательного тона. Первый вопрос звучал примерно так: не кажется ли Вам, что Ваш рассказ о положении русских может навести американцев на ошибочную мысль, будто в России русские находятся в наихудшем положении, тогда как самыми угнетенными и обездоленными являются там евреи.

Я напомнила, что тема моего доклада «Положение русских», но это не означает отсутствия каких-либо национальных проблем у других народов СССР. Добавила, что об угнетенном положении в России евреев задавшая вопрос дама может предложить свой доклад. Я же такими данными не располагаю.

Дама поспешила заверить прихожан, что она не еврейка и что о трагическом положении евреев в России знает весь мир, о нем свидетельствует и дело Осташвили (американские газеты в тот день как раз сообщили о его гибели в тюрьме).

Я попросила поднять руки тех, кто что-либо слышал о деле Осташвили. Почти половина присутствующих подняла руки.

— А теперь, господа, поднимите руки, кто из вас что-либо читал или слышал о судебном процессе по делу погромщиков в Душанбе, где было убито несколько десятков людей, преимущественно русских и русскоязычных. Погром этот проходил в то же самое время, что и мелкий скандал в Доме литераторов с участием ныне покойного Осташвили.

О душанбинском погроме и его жертвах никто не слышал. Не поднялась ни одна рука. Тогда я спросила, кто знает о 17-летнем Диме Матюшине, которого забили насмерть в присутствии толпы на центральной улице города Кишинева только за то, что он русский. Выяснилось, что не знает никто. О пяти русских солдатах, заживо сожженных в Намангане озверевшими русофобами, тоже никто не слышал.

— Почему вы об этом не слышали? Не потому ли, что ваши (и наши) сионизированные средства массовой информации считают некорректное устное слово Осташвили в адрес евреев преступлением куда более опасным и жестоким, чем убийства, изнасилования, избиение тысяч русских, которых господа демократы за людей, видимо, не признают и права человека на них не распространяют. Евреев, слава Богу, не убивают за их национальную принадлежность, а русских убивают, при том многих и безнаказанно.

— Как не убивают, — возразили мне из той же группы. — А Александр Мень?

— Мень убит по невыясненным пока причинам. Но по логике вещей русским его убивать было не за что. Он принял христианство, чего ему могли не простить иудеи. Но коль скоро вы хорошо информированы об убийстве А. Меня и вы называете себя православным христианином, назовите, пожалуйста, фамилии или хотя бы общее число русских священников, убитых в том же году, что и Мень, притом со следами жестоких пыток и издевательств. Ведь их жизнь и их смерть не может быть Вам безразлична только потому, что в них нет еврейской крови. Не так ли?

Ответная реакция этой маленькой «русской» группы была неожиданной. Они стали призывать присутствующих не верить Литвиновой, потому что все, о чем она говорит, — ложь, а сама она агент КГБ. Вот она сказала, что беспартийная, а имеет ученую степень доктора наук. Они лишь недавно уехали из Москвы и знают, что беспартийный в СССР не может иметь высоких ученых званий и степеней.

Тогда я попросила назвать, когда и в какой партийной организации коммунистов состоял академик А. Сахаров,

ведь звание академика выше доктора наук. Нападавшие «русские» озадаченно молчали. Они сидели в первых рядах и не видели неодобрительных взглядов зала. Первым не выдержал их некорректного поведения настоятель храма протоиерей Роман Лукьянов. Он вынужден был выразить свое недовольство недавно приобретенной паствой.

Интеллигентные прихожане, в большинстве своем люди пожилые, были явно недовольны наглым поведением молодых прихожан. Видимо, они не скрыли своего недовольства. О нем стало известно всей православной Америке. Почти в каждом городе меня просили повторить вопросы и ответы, прошумевшие в Бостоне. Но шума больше нигде не было, а «русские», если и приходили на мои доклады, вели себя благопристойно.

Среди евреев, принявших христианство, есть люди, возглавляющие крупные православные храмы Америки. Так, окончивший Свято-Владимирскую семинарию (под Нью-Йорком) отец Меерсон стоит во главе храма Христа Спасителя. Его матушка — дочь израильского раввина Шнитке. В православии все равны, «нет ни эллина, ни иудея».

После лекции и дискуссии в храме люди долго не расходились, продолжая беседу на улице, хотя была уже ночь. Одна дама, представившись Глазуновой, спросила: «Вы не москвичка?» Я ответила, что большую часть жизни живу в Москве, но не москвичка, а смолянка, там родилась и корни мои на Смоленщине. «А я — царскосельская», — сказала эта дама. Она оказалась по мужу родственницей известного русского художника Ильи Глазунова. Ей 82 года. Она учительница. Живо интересуется положением на Родине.

В Бостоне я жила в русской семье рентгенолога Гансона. На свою зарплату он мог безбедно содержать неработающую жену, троих детей-школьников, огромный двухэтажный дом с прекрасным парком. Хозяйка дома Верочка для детей нанимала учителя музыки. Делала она это не только из любви к детям и к музыке, но и из стремления деликатно оказать материальную помощь русскому музыканту, не пожелавшему возвращаться в Россию.

Гостивший в доме дочери отец Митрофан Зноско-Боровский неодобрительно относился к людям, которые по доброй воле отказываются от Родины. Меня он встретил грустно-настороженно, приняв за невозвращенку, но узнав, что я не желаю оставаться в более сытой Америке и скоро возвращаюсь домой, с облегчением сказал: «Да благословит Вас Господь».

В свои 82 года отец Митрофан был бодр и энергичен, а живые голубые глаза, сохранившие яркость и блеск, опро-

вергали его календарный возраст. Я не сразу сообразила, что это тот самый Зноско-Боровский, который выступал с интересными статьями на религиозные темы в «Литературной России», который пожертвовал 10 тысяч долларов на восстановление Храма Христа Спасителя и оказал немалую помощь Православной России.

Мне посчастливилось провести с отцом Митрофаном несколько часов в интереснейшей беседе. Я рассказала о том, что прошлую Пасху провела в Оптиной Пустыни, и какое это было великолепие. Народу, несмотря на бездорожье, сошлось и съехалось великое множество. Возникло даже опасение: не будет ли давки, неорганизованной толпы. Но все богослужение и крестный ход оказались умело организованными. Всех объединял и направлял светлый дух Божества, благолепия, величия, причастности к православию и к народу своему. В наши дни люди семьями в свой отпуск приезжают в Оптину Пустынь с целью помочь ее восстановлению и делают это совершенно бескорыстно. Наше богоборческое государство, усилиями которого храмы разрушены, не желает участвовать в их возрождении, но слава Богу, теперь активно не препятствует.

Отец Митрофан, выслушав мой рассказ, попросил взять у него 1000 долларов для передачи Оптиной Пустыни. Я отказалась, так как не знала, что теперь доллары можно ввозить свободно. По установленным ранее порядкам я должна была записать их в таможенную декларацию с обязательным последующим обменом на рубли и по низкому курсу (около 70 копеек за доллар). Доллары раньше беспрепятственно могли ввозить только иностранцы.

Отец Митрофан щедро жертвовал деньги, и не малые, для нужд православия, в том числе на устройство в России типографии для издания православной литературы. Получатели такой помощи, к сожалению, не всегда находили время, чтобы поблагодарить своего благодетеля или хотя бы известить его, что деньги и техника получены. Одного из них мне удалось разыскать по возвращении в Москву. Он сказал, что все в порядке, типография налажена и начинает выпуск православной литературы, но он так занят, что некогда написать или позвонить отцу Митрофану. Человек, судя по всему, честный и никакой корысти для себя от полученных даров не имел. Но подарочек-то был в тысячи долларов. Мог бы и позвонить отцу Митрофану, зная, что почта ненадежна, оповестить дарителя, который более года не знал о судьбе своего подарка. Наша безалаберность, да еще при наличии в США проходимцев, выдающих себя за русских и право-

славных, вынуждает американцев сменить свою предельную доверчивость на подозрительность.

Как и большинство русских эмигрантов революционного и военного лихолетья, отец Митрофан до того, как окончательно обосноваться в США, многие годы скитался по чужбине. Родился он в Бресте в семье полкового священника пятнадцатым ребенком. Как и отец, стал священником. С восстановлением в Бресте в сентябре 1939 г. советской власти его стали вызывать в НКВД. На первой беседе майор Стрельников, тоже сын священника, беседовал вежливо. Предложил сотрудничество. Отец Митрофан отказался. Зачитал цитату из священного писания, запрещавшего предавать интересы паствы, и добавил: «Вы свой устав соблюдаете. Я тоже чту свой». Чекист велел священнослужителю снять подрясник. Отец Митрофан ответил: «Вы обязаны носить свою форму, а я свою». Расстались вежливо. Однако через некоторое время его вызвал другой чекист. Этот был груб. Бил, угрожал пистолетом. Дал на раздумье несколько дней. Пришлось бежать. В годы войны отец Митрофан был священником в лагере. Жил в Польше, Австрии, Германии. С 1948 по 1959 год — в Африке (в Марокко, Алжире, Тунисе). Был священником. Арабы относились к нему доброжелательно: многие помнили, что их предки были христианами.

В 1959 году отец Митрофан переехал в США, получил приход в Сиклифе (район Нью-Йорка), в котором работает по сей день. Новый храм построен силами 28 семей, живущих в этом районе. Число прихожан выросло с 95 до 120. Конечно, имея за плечами 82 года нелегкой жизни, работать уже трудно, но приход и прихожан своих очень любит. За 32 года привыкли друг к другу. Потому и не уходит. Договорились, что перед отлетом в Москву я выступлю в его приходе в Сиклифе.

Наутро отец Митрофан должен был возвращаться в Нью-Йорк, в Сиклиф. Дочь взялась отвезти его. Дорога шла через Провиденс. Я поехала с ними до Провиденса, где могла несколько часов пробыть с внучкой, а на обратном пути той же машиной вернуться с Верой Гансон в Бостон, откуда должна была продолжить свое путешествие в Кливленд.

Я была счастлива повидать внучку Дину, в крещении Катю, вместе с которой прожила 12 лет. Мне казалось, что девочка не приживется в Америке, хотя там ее любимая мама. На всякий случай оба билета на самолет Москва—Нью-Йорк себе и ей я купила туда и обратно. Дина выглядела счастливой. Верно, так оно и было. Но к радости за внучку примешивалась горечь утраты, мысль, что вне России ей будет трудно, что скоро она это почувствует. Уже пишет, что

тоскует, что там нет таких подружек, как в Москве, что все там слишком другое.

На обратном пути Верочка, чтобы развлечь меня, поставила пленку с записью «Песен у костра». Пели русские дети ОРЮРовцы (Отряд русских юных разведчиков-следопытов) или, как их еще называют, русские скауты.

Слушая русские песни, исполненные не только задушевно, но и с высоким вокальным мастерством, вспоминая выдержанное в бодром тоне прощание с внучкой, отрывающейся от русскости, не сдержалась, зарыдала. Верочка утешала, как могла. Пленку заменила, а ту, с чудесным детским исполнением, подарила мне. Потом в других городах не раз приходилось удивляться уровню высокой музыкальной культуры русских детей, многие из которых пели в церковных хорах. Вспомнилось, что до 1917 г. на Руси дети были приобщены к хоровому пению и музыкальную грамоту знали не хуже букваря. Недаром, выбирая Православие, князь Владимир учитывал и его чарующие божественные песнопения. В борьбе с Православием детей отлучили от церкви, от хорового пения. Современные дети в большинстве своем уже не исполнители, а лишь потребители музыки, часто низкопробной. А ведь музыка — важная часть национальной культуры. И заменяя ее на вненациональные джаз, рок и т. д., «интернационалисты» старательно и успешно разрушали и продолжают разрушать нашу национальную культуру, превращая русских в русскоязычных.

Вера рассказала, что каждое лето она отправляет всех своих детей в лагерь ОРЮРовцев, где разрешается пользоваться только русским языком. Лагерь расположен в живописной местности. Детей туда привозят даже из соседних штатов. Вера попросила сыновей, и они нашли и показали мне видеозаписи, сделанные ими в лагере. Каждый день начинается с молитвы. Дети живут в палатках. Одеты в одинаковую форму, похожую на пионерскую, точнее, пионерская позаимствована у скаутов, только цвет галстуков заменен с синего на красный. При встрече и прощании дети, так же как и наши пионеры, отдают друг другу честь, но при этом произносят не то, что говорило мое поколение: «К борьбе за дело Ленина—Сталина будь готов!» и ответ: «Всегда готов!», а совсем иные слова: «Помни о России» и в ответ: «Всегда помню». Человек с детства должен помнить и гордиться, что он русский, что его корни в России.

КЛИВЛЕНД

Выехав из Бостона вечером 3 мая, 4-го утром я была в Кливленде. В каждом городе меня, как правило, встречал

хозяин того дома, где мне предстояло жить. В Кливленде встречал настоятель храма Сергия Радонежского, сын белоэмигрантов Петр Бурлаков, в прошлом один из последних выпускников кадетского корпуса. Он рассказал, что король Югославии, сам бывший кадет, поддерживал кадетов. В годы войны Петр работал инженером в строительной фирме, стараясь брать к себе на работу русских. Немецким властям донесли. Был допрос. Бурлаков держался невозмутимо, заявил, что русских он никого не взял, а работают у него турки, поляки, французы. По документам все так оно и было, ибо русские эти родились в Турции, Польше, Франции. Немцы, проверив документы, Бурлакова отпустили, а доносчика наказали. После смерти жены стал священником и вот уже 30 лет живет с матерью и кошкой, требующей, чтобы ее длинную пушистую шерсть ежедневно чесали специальной щеткой. От отца Петра я узнала, что значительная часть закупаемой нами в США пшеницы производится русскими немцами, выходцами из Поволжья, эмигрировавшими в США в начале XX века.

Вместе с отцом Петром поехали в храм, где после воскресной обедни должен был состояться мой доклад.

Богатый новый храм был украшен неплохими росписями и имел прекрасный церковный хор. Регент хора (хористы жаловались, что он слишком строг), молодой, белобрысый, родился в США, корни в Печорах. Недавно в официальной поездке побывал в СССР, заехал на родину предков. С волнением вспоминал неожиданную встречу с родственниками, которые радушно и трогательно встретили ранее не виданного племянника и двоюродного брата.

Во время службы я обратила внимание на очаровательного, в буйных кудрях малыша лет 3—4. Уже знакомый с православными обрядами, он, войдя в храм, перекрестился, приложился к иконе, потом к другой, постоял, шевеля губами, видимо, о чем-то тихо беседуя с Богом. Через какое-то время малыш, притомившись, подошел к матери, вынул из ее сумки мягкий коврик, расстелил рядом со мной на зеркально чистом полу храма и уснул, мирно посапывая. К моменту окончания службы он проснулся, помолился, взял на длинной ручке колпачок для тушения свечей, со знанием дела обошел храм, потушил свечи и подошел к родителям, с еще тремя детьми стоявшим рядом со мной.

— Это все ваши?

— Да.

— А сколько их у вас всего?

— Пока четверо, но мы еще молоды.

Отцом семейства оказался 39-летний инженер Николай

Родзянко. Я спросила, не внук ли он того самого Родзянко. Оказалось, правнук. Он очень обеспокоен экономическими проблемами США и СССР. Николай дал телефон своего отца в Нью-Йорке, просил позвонить, когда вернусь из Нью-Йорка, сказал, что у отца — Олега Михайловича много книг о России и русских.

Доклад состоялся в просторном зале цокольного этажа храма. Здесь прихожане часто собираются, чтобы посмотреть русский кинофильм или видеозапись, послушать русскую музыку. Все разместились за столиками с кофе и пирожными. Поскольку храм носил имя Сергия Радонежского, я рассказала, как в 1990 г. талантливый русский скульптор Вячеслав Клыков, изваяв прекрасный памятник Сергию Радонежскому, принес его в дар Отечеству для установления в том поселке, где родился Сергий. Постаментом памятника служил задерненный холм, насыпанный из земли, которую привезли и уложили школьники. Местные власти особой помощи не оказывали, но и не мешали.

Открытие памятника было назначено на воскресный осенний день. Но накануне в субботу по телевизору в программе «Время», которую смотрит большая часть населения, было объявлено, что власти запретили открытие памятника как мероприятие националистическое. Скульптура Сергия Радонежского была «арестована» и доставлена в отделение милиции. Утренние автобусные рейсы на Радонеж были на воскресенье отменены, машинисты электричек получили приказ следовать мимо этой станции без остановок. Посты автоинспекции не пропускали машины, перекрыв движение по шоссе.

Но случилось непредвиденное: приученный к покорности народ взбунтовался. Он шел к месту открытия памятника пешком, преодолевая долгий тяжелый путь в скверную погоду (шел дождь с мокрым снегом). И пусть с большим опозданием против первоначально назначенного времени открытия памятника, но пришел. Народу собралось несколько тысяч. В толпе было много милиции и провокаторов. В условленное время — три минуты молчания. Тишина стояла грозная, громкая. Потом по одному каждый подходил к холму-постаменту (сам памятник был в это время в милиции), преклонял колено и клал цветы. Длинная цепочка людей строго и торжественно обошла городище. Но в это время дождь вдруг прекратился, засияло яркое солнце, на небе появилась радуга, словно божественный подарок собравшимся. Люди крестились, даже те, кто раньше этого не делал.

Затем начался стихийный, и вместе с тем блестяще са-

моорганизованный митинг. Один оратор сменял другого. И все были доброжелательны, беззлобны, но суровы и решительны. Говорили о героических традициях и патриотизме русского народа, возродить который настало время. Стоявшие рядом офицеры, в том числе генерал МВД, а также секретарь Московского обкома партии и другие чиновники молча слушали и явно удивлялись: собрались не хулиганы-националисты, а граждане-патриоты. Впечатляло. Видимо, по радио было вызвано более десятка новых вместительных автобусов. В конце митинга власти извиняющимся тоном попросили народ сесть в автобусы, которые бесплатно отвезут их в Москву. Но люди отказались. Ушли назад пешком. Автобусы уехали пустыми.

А через некоторое время власти оповестили, что государство берет на себя расходы по переводу памятника в мрамор и его торжественному открытию после завершения работ. Все так и было.

Рассказ этот произвел на слушателей впечатление, растрогал их, тем более, что о самом Сергии Радонежском они знали, пожалуй, лучше меня и часто вспоминали его в молитвах.

Отец Петр, скромный в быту человек, пенсию от государства, как инженер, получает весьма приличную. Это позволяет ему совершать все православные обряды в храме при минимальных затратах прихожан. Проповеди он читает на двух языках: на русском и английском. Его любят, к нему ходит много греков и других православных. Приход растет. Отца Петра это и радует, и тревожит, он не хочет быть конкурентом для настоятелей других православных храмов.

При храме прекрасный хор. Одна из его солисток, Мария Влади, живущая неподалеку от отца Петра, вызвалась составить мне компанию во время прогулки по их уютному поселку в пригороде Кливленда с названием «Семь холмов». Зеленый, чистый, ухоженный район одноэтажных домиков, разбросанных по холмам на чистеньких лужайках, украшенных кое-где елями, фруктовыми деревьями и небольшими яркими пятнами цветов, был заселен преимущественно европейцами. Для цветных он был дорог. Жители его строго следят за порядком, знают всех своих, настороженно относятся к незнакомым, стараясь выяснить, кто такой, зачем здесь оказался. Район действительно тихий и безопасный. Жители спокойно спят с настежь открытыми окнами. Мне это было непривычно. Ежели кто-либо не может следить за чистотой и ухоженностью своего газона, он, во избежание высоких штрафов, нанимает специалиста по газонам. Оказывается, уход за газоном требует, помимо всего прочего,

еще и серьезных знаний: как избавиться от сорняков, как обеспечить густой ковер нужного оттенка зелени. Стоит это дорого, но получается красивый вид.

Был теплый воскресный вечер. Мы с Марией прошли вдоль всей улицы и вернулись обратно, не встретив ни одного пешехода. У некоторых домов стояли стайки машин, из внутренних двориков доносился запах жареного мяса, оживленный шум голосов, смех. В этих домах, видимо, принимали гостей. Завидя нас, жители приветливо улыбались, здоровались.

Когда мы возвращались назад, Мария предложила подойти к женщине, сидевшей на крылечке, и представиться. «Так надо, — сказала она, — необходимо объяснить, что мы за люди, почему здесь ходим и все рассматриваем». Женщина лет 60 оказалась полькой. Обрадовалась возможности поговорить по-польски. Мы с Марией ее понимали. Подошла дочь, занимавшаяся кустами роз. Она польского не знала. Муж сенокосилкой старательно подстригал газон и в разговоры женщин решил не вмешиваться.

Попросила Марию рассказать о себе. Она 1921 года рождения, тоже смолянка. Работала учительницей в Невинской сельской школе, недалеко от Катыни. Эвакуироваться во время войны не успела. В первую очередь вывозили евреев, так как для них оккупация представляла большую опасность. Мария осталась на оккупированной территории, а затем была вывезена на работу в Германию. Там вышла замуж за русского Владимирова. Оказавшись на территории, куда вошли английские войска, была свидетельницей жестокой выдачи казаков коммунистам. Казакам предложили сдать оружие англичанам, пообещав влить их в состав Советской Армии и там вооружить. В обмане подлую роль сыграл советский генерал, родом из казаков. Его приняли за своего, поверили, разоружились. Тут их за колючую проволоку и в товарные вагоны. Всех сопротивляющихся расстреливали. Мария с семьей решила не возвращаться. Ей, как и многим другим, помог Петр Бурлаков. Оформил документы, что они не русские, что ее семья родом, якобы, из Польши. Потом переехали в США. Длинная фамилия Владимировых здесь была укорочена до Влади. Сейчас оба на пенсии. Пенсия невелика — 460 долларов в месяц. Большая ее часть уходит на содержание дома и машины. Питаться приходится скромно. Одета прекрасно, но это заслуга ее покровительницы, богатой русской модницы, любящей часто менять наряды и передающей затем их Марии. Музыкальное образование получила при храме. Мечтает поехать в Россию, в Смоленск. Там есть родня. Но поездка для нее маловероятна, так как ту-

ристский маршрут не включает Смоленск, а по индивидуальному будет слишком дорого.

В доме отца Петра богатая библиотека, практически ею занят весь цокольный этаж. Много интереснейших русских журналов, в том числе «Вече», «Кадетская перекличка». Видя, как торопливо выписываю заинтересовавшую меня информацию, отец Петр предложил сделать ксерокопии. Аппарат стоит в храме, используется в основном для размножения нот и духовной литературы.

Интересных статей было много, и я закончила их отбор часам к 11 ночи, но отец Петр сказал, что это не страшно. Сели в машину, отправились в храм. Освещенный лишь лампадами, он был таинственно великолепен. Поднялись на хоры, где стоял ксерокс, и вдвоем быстро сделали нужные копии. Библиотека съела все свободное время и город Кливленд толком посмотреть не удалось.

САН-ФРАНЦИСКО

Путь от Кливленда до Сан-Франциско по железной дороге был довольно долгим, почти на двое суток, но интересным. Вообще поездка поездом через всю страну дала возможность неторопливо побеседовать с рядовыми американцами, оказавшимися моими соседями, увидеть огромное многообразие природы Америки: яркие картины Красного каньона, подернутое густым туманом огромное соленое озеро, немногочисленные леса, раздолье степей, большие и малые реки, спокойные и бурные.

Проезжая степную часть, наблюдала такую картину: огромное стадо коров паслось в степи, отгороженной от железной дороги проволокой. Пастуха нигде не было видно. С верхнего этажа вагона степь и пасущееся стадо были видны далеко. Где же пастух? Уж не этот ли небольшой самолет, низко летающий над стадом? Спутники по вагону подтвердили мою догадку — это пастуший самолет.

Вагон-ресторан, точнее вагон-буфет поражал высокими ценами. Скромный обед, который до весны 1991 г. в московском кафе «Прага» стоил не более двух рублей, здесь обошелся почти в 20 долларов. Столик, за которым обедала, оказался женским. Я спросила, много ли у моих соседок детей. У молодой соседки было трое, у другой — пятеро, у третьей, самой пожилой, — 6. Эта последняя, узнав, что я из Москвы, сказала, что родители ее мужа из Киева. «О, так Ваш муж украинец?» — спросила я. «Нет, что Вы, он американец, — гордо ответила дама, — он рожден в Америке». Американцы любят гордиться тем, что они американцы. Да-

ма помоложе, лет 40—45, рассказала, что муж нашел более выгодную работу в небольшом городке штата Калифорния. Старшие дети живут отдельно, а младший сын и муж заняты перевозкой вещей на новое место жительства. Делается это без особых проблем. Арендуется на строго определенное время (на несколько часов или дней) автофургон, загружается вещами, и арендатор, как правило, сам, благо водительские права имеют почти все, ведет машину к новому месту своего жительства. Разгрузив машину, он оставляет ее тут же местному транспортному агентству. О возврате машины заботиться не надо. Да и стоит эта аренда машины не слишком дорого.

Американцы — народ очень мобильный. Не зря эмигранты составляют основу населения США. Они и по Америке любят разъезжать, часто меняя работу, штаты, города или хотя бы район и квартиру в одном и том же городе. Нашу шутку, что один переезд равен одному пожару, они плохо понимают. Они с легкостью продают свои дома и квартиры либо отказываются от их аренды. И дело, видимо, не только в том, что это не стоит больших материальных или нервных затрат, но еще и в том, что оседлость, привязанность к земле предков не характерны для американцев.

Учтя полезный опыт, приобретенный в американской авиакомпании, я предупредила проводника вагона, что плохо знаю язык и совсем не знаю порядков американской железной дороги, путешествую впервые. Куртис — так звали молодого проводника — поместил меня в особое купе, где ехали пассажиры, нуждающиеся в повышенном внимании. Кроме меня, здесь оказалась слепая супружеская пара молодоженов, нежно напевавших вполголоса лирические песенки и классические мелодии, молодая женщина с грудным ребенком и глубокий старик. Каждого пассажира из этого купе проводник заблаговременно предупреждал, что следующая остановка его, помогал собрать и вынести из вагона вещи, найти встречающих или попутчика до нужного автобуса.

Время от времени включалось поездное радио и сообщало, помимо объяснений об остановках, о том, чем можно полакомиться и что выпить в поездном буфете, какие фильмы посмотреть в видеосалоне. Диктор рассказывал о достопримечательностях тех мест, которые проезжали. Делал он это эмоционально, с большим юмором, который я не всегда понимала, но чувствовала по дружному хохоту пассажиров. Словом, делалось все, чтобы путешествие было приятным. Тем не менее поезда шли не заполненные пассажирами. В дни пасхальных каникул они были заполнены, несмотря на

то, что цены на билеты в пасхальную неделю были повышены.

На станции проводник помог мне выйти из вагона и предложил вместе с другими пассажирами идти на автобус их железнодорожной фирмы «Amtrak», который бесплатно довез нас до Сан-Франциско, находящегося в стороне от железной дороги.

Так случилось, что мой приезд в Сан-Франциско совпал с днем похорон неизвестной мне Зинаиды Прокофьевны, погибшей в автомобильной катастрофе в молодом, с точки зрения американцев, возрасте — 64-х лет. Георгий Васильевич и Лидия Фердинандовна Куманские, в доме которых меня поместили, предложили мне либо остаться дома, либо пойти вместе с ними. Я решила пойти с ними, тем более, что никогда не присутствовала на похоронах, проходивших с соблюдением всех православных обрядов. Лидия Фердинандовна закончила приготовление салатов для поминального стола, поставила их в машину, и мы отправились в собор, где должно было состояться отпевание.

Новый огромный белый пятиглавый собор Пресвятой Богородицы сверкал золочеными куполами. Наружные стены были украшены мозаичными изображениями святых. Первый раз в своей жизни я видела такой великолепный новый собор. В России мне не приходилось нигде и никогда увидеть новый, построенный не то что недавно, а хотя бы за последние три четверти века храм, пусть даже небольшой, зато разрушенных и разрушаемых видела печальное множество. На противоположной стороне улицы располагалось здание, вся фронтальная сторона которого состояла из огромных зеркальных стекол. В этой зеркальной стене отражался храм. Здание оказалось русской гимназией и одновременно Домом ОРЮРовцев (русских скаутов). Вокруг собора стояло огромное количество машин разных марок, и мы не сразу нашли место, чтобы поставить свою.

При входе в храм каждому вручалась свеча, пахнущая медом, с красивой картонной подставкой для оплывающего воска, Лидия Фердинандовна, поющая в церковном хоре, оставила нас. Храм был полон. Георгий Васильевич провел меня на хоры, откуда все было хорошо видно и слышно.

Красивый гроб с телом покойной стоял в окружении изысканных венков и корзин с цветами. В руках каждого из христиан, заполнивших храм, горела свеча. Звучали песнопения великолепного церковного хора. Я была уверена, что усопшая была в Сан-Франциско знатной дамой, и очень удивилась, узнав, что Зинаида Прокофьевна не занимала никаких постов и не имела никаких званий. Была простой

парикмахершей, заботливой матерью и бабушкой, доброй христианкой, готовой всегда прийти на помощь.

Все это было для меня так неожиданно. Вспомнила, как хоронили мою мать, жившую и умершую в пригороде Смоленска. С огромным трудом, отстояв очередь, удалось купить грубо сколоченный гроб огромного размера (других в продаже не было). Венков тоже в продаже не было. Делали сами, помогли соседки. Привезти на отпевание усопшую в Смоленский храм трудно — нет машин. Съездили в церковь, заказали отпевание и привезли горсть освященной земли, чтобы бросить в могилу. До деревенского кладбища, где мать завещала себя похоронить, добраться было неимоверно трудно. Февраль месяц. Дороги занесены. Все было убого и сложно, как и сама жизнь моей матери. Ее первый муж — мой отец, был объявлен врагом народа, а второй муж, удочеривший меня, не вернулся с войны. Ни человеческой жизни, ни нормальных христианских похорон. А сегодня в богатой лесами России православных хоронят в целлофановых мешках, так как гробов не хватает.

Красиво организованный печальный обряд похорон русской американки заставил с особой горечью почувствовать убожество жизни и смерти русского человека в современной России. Слезы заливали лицо, я едва сдерживала рыдания. Стоявший рядом Георгий Васильевич был, верно, удивлен моим слезам, не ведая их причины.

Хоронили Зинаиду Прокофьевну на большом православном сербском кладбище, чистом, ухоженном, с красивыми надгробьями. Я обратила внимание на даты рождения и смерти. На этом участке в основном были захоронения конца 80-х — начала 90-х годов. Даты же рождения относились в большинстве своем к концу прошлого—началу нынешнего века, подтверждая известное долгожительство русского народа, утраченное им после революции.

На кладбище я обратила внимание на небольшой колумбарий. Фамилии там были русские или славянские, но вместо крестов — масонские знаки. Спросила Георгия Васильевича, что сие означает. Он объяснил, что здесь урны с прахом кремированных масонов.

— Но почему они на православном кладбище?

— Потому что они русские и завещали после кремации поместить урны с прахом рядом с могилами русских (усопших православных не кремируют).

— А разве они не делают тайны из принадлежности к масонским ложам?

— Тайными обычно остаются дела масонов высокого ранга, да и то не все.

По дороге с кладбища в храм, в цокольном этаже которого должны были состояться поминки, Георгий Васильевич обратил мое внимание на приземистое серое цилиндрической формы тяжеловатое здание без окон и сказал, что это масонское капище.

— Откуда вы знаете?

— Смотрите и читайте.

Он притормозил машину. По окружности здания шли крупные выпуклые серые буквы «Masonic Templ». Слово «Templ» в английском означает храм, но если оно соединено со словом масон, русские переводят его как капище, масонов православные не одобряют. Неподалеку от капища расположен комплекс новых малоэтажных зданий из красного кирпича. Это масонский центр здоровья. Выглядел он добротным и процветающим.

На поминках было около сотни семей с детьми, бабушками, дедушками. Организация простая. Каждая семья готовила и приносила одно-два блюда, но в большом количестве. Устраивался длинный шведский стол. Каждый брал, что хотел. Вино и водка стояли на столах, но пили мало. Говорилось много добрых слов в память усопшей.

Когда собор опустел, Георгий Васильевич провел меня по нему, показывая богатое убранство. Иконы в значительной части были новые, недавно написанные. Выделялась икона святой семьи Государя Новомученика Николая II. Но немало было и икон старинных. Оказалось, что многие из них, в том числе очень больших размеров, в серебряных окладах, куплены за огромные суммы в долларах у представителей третьей волны миграции.

— Как же они провозят такие ценные и огромные по размеру иконы через таможню? Ведь я была сама свидетельницей строжайшей бдительности таможенников, даже маленькую баночку икры не пропустили.

— Мы у них спрашивали, как это им удается. Ответили, что у них везде, на всех уровнях есть свои люди.

Мой доклад был назначен на воскресный день в Русском центре. В отличие от Русского центра в Москве, имевшего в своем распоряжении лишь убогий угол, который и предоставляется-то всего раз в неделю, Русский центр в Сан-Франциско занимает большой особняк с прекрасной библиотекой, музеем, хранящим немало подлинных ценных исторических документов и материалов, с хореографическими, музыкальными и другими студиями, театром и кино-концертным залом, рестораном с русской кухней, кабинетами для работы различных секций.

Встреча прошла хорошо, было много вопросов, долго не

расходились. Я осталась довольна. Но Георгий Васильевич был явно огорчен малочисленностью аудитории. Почти треть мест в зале пустовали, а ведь в Сан-Франциско проживают десятки тысяч русских. Но долго огорчаться ему не пришлось. Едва мы вернулись домой, как стали раздаваться телефонные звонки и разные люди просили повторить встречу, ссылаясь на то, что заранее не были оповещены и уехали на субботу-воскресенье в гости, к тому же был праздник (не помню, какой).

У меня в запасе было целых два свободных дня, и я согласилась повторить выступление. Оно было намечено на вечер, когда люди вернутся с работы. Местом встречи на сей раз был избран Дом Святого Владимира — хранителя русских воинских традиций и патриотизма.

Утром позвонил господин Сторчилло, с которым накануне, после доклада в Русском центре, мы договорились о встрече, и сказал, что у него есть ко мне деловой разговор. Он заехал за мной и предложил пообедать в ресторане, а заодно и дела решить.

Столик на двоих, предупредительный официант, хороший обед и приподнятое настроение у Михаила Георгиевича. Чувствовалось, что он решился на поступок, но какой, я не догадывалась. Оказалось, что он большой поклонник журналов «Наш современник», «Молодая гвардия» и «Москва», хотя не всегда удается их получить. Он хотел бы пожертвовать им тысячу долларов, которые намерен передать через меня. Я сказала, что не смогу взять деньги, объяснила, почему, но Михаил Георгиевич был не из тех, кто может отказаться от достижения поставленной цели.

Он предложил поехать к консулу, благо в Сан-Франциско находится советское генеральное консульство. Консул М. Суворов любезно принял нас и, выяснив, что я не в первый раз отказываюсь принимать пожертвования от русских американцев, удивленно спросил: «Что Вы им такого рассказываете, что они хотят жертвовать такие большие суммы?» Я, не подумав, ответила: «А Вы приходите сегодня вечером в Дом Святого Владимира и услышите сами».

— А это возможно?

— Отчего же нет, я Вас приглашаю, а господин Сторчилло, надеюсь, не откажется проводить Вас.

— Прекрасно, обязательно буду.

В тот же вечер мне пришлось поплатиться за свое легкомыслие. Приехав за несколько минут до назначенного часа в Дом Святого Владимира — городской центр русских монархистов, кадетов, белогвардейцев и их потомков — я застала там неожиданную для меня картину. Михаил Георгие-

вич Сторчилло представил присутствующим незнакомца и сказал, что это советский консул. Реакция присутствующих была бурной. Благороднейшее и благовоспитаннейшее русское собрание, оказалось, не в состоянии сдержать гнева и возмущения. На бедного консула нападало сразу несколько человек.

— Как посмел?

— Кто позволил этому коммунисту осквернить своим присутствием Дом Святого Владимира?

— Мы, состоятельные люди, объездившие все континенты мира, отдыхающие на лучших курортах Франции, Италии, Австралии, всю жизнь не могли себе позволить самой великой радости — ступить на родную землю только потому, что считали зазорным и унизительным просить у коммунистов, в том числе у советского консула, разрешения поехать к себе домой, в Россию, а он, как ни в чем ни бывало, осмелился сюда явиться.

— Кто его пригласил?

Я должна была покаяться, сказать, что не хотела никого обидеть, просто не подумала о бестактности своего поступка, когда приглашала консула. Он мой гость. С большим трудом удалось смягчить гнев и оставить консула в зале.

На сей раз зал был заполнен, в том числе людьми, приехавшими из других городов. Немало было и тех, кто был на предшествующей встрече в Русском центре. Встреча прошла хорошо. Мне простили мою оплошность, но сделали выговор милейшим и добрейшим господам Куманским, в доме которых я жила. Почему они не проинформировали меня о силе антикоммунистических настроений у русских американцев, словно за 4 прожитых у них дня меня можно было перевоспитать, переориентировать.

Вместе с тем, русские американцы, и не в последнюю очередь Георгий Васильевич Куманский — член Верховного Совета Российского Императорского Союза Ордена на Западном побережье США, заставили на многие наши национальные проблемы взглянуть с иной стороны, поколебали некоторых из моих убеждений, утвердили в других.

Я прочла много интересных работ о генерале Власове и власовцах. Разные это были люди. Одни, попав в плен, часто ранеными, не выдержали ужасов концлагеря и согласились пойти в армию Власова с тем, чтобы при первом удобном случае перейти к своим. Другие, в том числе и сам генерал Власов, полагали, что для освобождения России от ига большевиков можно перейти на союз с самим Сатаной, с Гитлером. Все, лично знавшие генерала Власова, говорили: это был сильный, волевой человек.

Приученная со школы воспринимать генерала Врангеля

как злейшего врага русского народа, я остановилась перед прекрасно выполненным портретом Врангеля в Музее русской воинской славы. Под портретом крупным шрифтом было помещено следующее воззвание:

«Слушайте, русские люди, за что мы боремся:

За поруганную веру и оскорбление ее святынь.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь.

За прекращение междоусобной брани.

За то, чтобы крестьянин приобретал в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы русский народ сам выбрал бы себе хозяина.

Помогите мне, русские люди, спасти Родину.

Генерал Врангель».

Под такие знамена и ныне не грех стать.

Накануне моего отъезда из Сан-Франциско господа Куманские устроили званый обед. Столовую украшали портреты последнего русского царя и царицы и государственный флаг Российской империи. Оказывается, он не трехцветный, а четырехцветный. В верхнем углу у древка в белую и синюю полосы вписан желтый квадрат с черным двуглавым орлом — гербом России. Георгий Васильевич объяснил, что этот флаг точно соответствует форме Российского флага, зафиксированной в последнем законодательстве Российской империи. Такой флаг небольшого размера был подарен мне.

Гости были людьми очень непохожими друг на друга. Каждый был личностью яркой, талантливой. Старейшим из гостей был 97-летний Тигран Иванович Киракосян — известный архитектор, дома которого украшают различные города США. Он был очень озабочен судьбой Нагорного Карабаха и спрашивал, почему Москва, Центр до сих пор не удовлетворили законных требований армян.

Я ответила, что не удовлетворяют именно потому, что они незаконные. Согласно Конституции — Основному Закону СССР, территория союзной республики не может быть изменена без ее согласия. Нагорный Карабах входит в состав Азербайджана, и только Азербайджан вправе решить вопрос, отказаться ему от Нагорного Карабаха или сохранить в своем составе.

— Но необходимо учитывать волю народа, независимо от того, какой это народ, армянский или русский.

— Вы правы, Тигран Иванович, только с русским поступают не лучше. Вот в 1953 году Хрущев взял и подарил русский Крым Украине, не поинтересовавшись даже, желает ли двухмиллионное население Крыма быть подаренным другому

государству. И сегодня в силу той же Конституции вернуть русский Крым в Россию нельзя без согласия Украины, хотя можно доказать недемократичность принятого Хрущевым и подтвержденного Верховным Советом России решения о передаче Крыма Украине.

Тигран Иванович был очень огорчен. На следующее утро он позвонил и попросил принять его. Тигран Иванович принес книги по истории Армении, выписки. Он во что бы то ни стало хотел изменить мое мнение. Старик был не прав по существу, но его неуемное желание защитить интересы своего армянского народа внушало уважение и сочувствие. Он обладал качеством, которого нам недостает в такой степени, что позволяет говорить о синдроме национального иммунодефицита у русского народа. Мой собеседник был очень взволнован, и, учитывая его преклонный возраст, я попыталась заверить его, что выход из сложного положения несомненно будет найден в пользу армян.

Самым молодым из гостей был Петя Роман или Петр Иванович Романов, директор какой-то международной фирмы. На вид ему было лет 40. Он недавно с туристической группой ездил в Иерусалим, записал свои впечатления о поездке и теперь за обедом зачитывал их. Они были написаны с таким искрометным юмором, что мы долго и дружно смеялись. Петя был преуспевающим бизнесменом и гениальным юмористом.

Третий гость — Владимир Викторович Гранитов, инженер и поручик, возглавлял Союз чинов русского корпуса, хотя вид у него был сугубо гражданский. Он занимался производством вин. На подаренной мне бутылке этикетка на русском языке гласила: «Домашняя наливка из имения господ Гранитовых под гор. Греневил, Русская речка, Калифорния. Сие же и монаси приемлют». Последние слова — славянской вязью. Не берусь судить об инженерных и воинских талантах господина Гранитова, но винодел он отличный. Лучшей наливки мне пить не приходилось. Кстати, проходивший в Аргентине в сентябре 1991 года съезд Союза чинов русского корпуса постановил: просить возглавляемый Гранитовым Сан-Францисский отдел Союза взять на себя организацию фонда помощи инвалидам второй мировой войны в Отечестве, находящимся в крайне тяжелых моральных и материальных условиях.

Гостеприимные хозяева господа Куманские тоже были людьми интересными, яркими. Лидия Фердинандовна по крови наполовину прибалтийская немка, но по самосознанию, по духу чистейшая православная русская. Преподает с увлечением в русской гимназии, очень музыкальна, с хорошим

голосом, не жалеет сил, чтобы пробудить интерес к русской культуре.

Георгий Васильевич, как я уже говорила, озабочен восстановлением в России монархии. Считает, что коммунисты и коммунистические перевертыши (выгодяги) способны лишь разрушать государство, православие, русскую нацию. Его ненависть к коммунистам велика так же, как любовь к России. Большевики лишили его и его родителей Родины, превратили в вечных странников. О путях скитальцев говорит табличка, прикрепленная к больничной койке его девяностолетней матери: «Простите, не говорю по-английски. Знаю русский, польский, французский, немецкий, испанский». Соединенные Штаты — последнее пристанище этой многострадальной женщины, которой уже не под силу овладеть еще одним иностранным языком. В домашней библиотеке Куманских много книг по истории Российской империи от «Народной монархии» Ивана Солоневича до сборника правовых актов «Наследование Российского Императорского Престола», составленного под редакцией Архиепископа Лос-Анжелесского и Южно-Калифорнийского Антония.

В Сан-Франциско у меня была самая продолжительная остановка — целая неделя. Господин Куманский показал город, его достопримечательности, включая «Золотой мост», панораму города, живописную, утопающую в цветах улочку с таким крутым спуском, что страшно ехать, приятные спокойные парки пригорода. Многолюдный, шумный, в значительной мере русскоязычный город изобилует рынками, множеством роскошных ресторанов и маленьких скромных кафе.

К сожалению, не удалось съездить в Форт Росс, основанный в 1812 г. И. А. Кусковым — помощником главного правителя Русской Америки и ставший первым русским поселением на западном побережье США. Российско-Американская компания намеревалась сделать Форт Росс и его окрестности сельскохозяйственной базой для владений компании на Аляске. В восьмидесятые годы нашего века восстановлен дом основателя Форта Кускова, «Дом Чиновников», на флагштоке крепости — трехцветный флаг, по праздникам раздается благовест колокола.

ЧИКАГО

Путешествие с западного побережья США на восточное я проделала на самолете. На пути из Сан-Франциско в Чикаго по метеоусловиям пришлось несколько часов провести в аэропорту гор. Лас-Вегас (штат Невада), известного своими

игорными домами. Моими соседями в зале аэропорта оказалась негритянская супружеская пара с двумя детьми. Их трое других взрослых детей живут отдельно своими семьями. Они же вчетвером прилетели сюда из Чикаго на выходные дни, чтобы поиграть в рулетку и на игральных аппаратах. Собственно играли муж и сын, а Валери с дочерью наблюдали или гуляли по городу. Мужчины чаще проигрывали, чем выигрывали, и в конечном итоге их проигрыш составил более тысячи долларов. Я выразила сочувствие Валери, но хозяйка семейства сказала, что она довольна поездкой, не считает проигрыш разорительным для семьи. Они здесь, по ее мнению, хорошо отдохнули. Проигрыш в значительной мере возмещен относительной дешевизной здесь гостиницы и питания, а главное — здесь они сняли напряжение и усталость, накопленные на работе.

Они с мужем металлурги, делают крупные металлические конструкции. Работа тяжелая, получают каждый по тысяче долларов в неделю. Их семья среднего достатка, живет в собственном доме, где пять спальных и две ванных комнаты. В семье на четверых три машины. Дочь-школьница, ей нет 16 лет, и потому только она не имеет своей машины. Живут в пригороде Чикаго, где коммунального транспорта нет. Поэтому машину должен иметь каждый, тем более, что они с мужем работают в разные смены.

Долгий перелет в самолете до Чикаго прошел в беседе с американцами итальянского происхождения. Они врачи-хирурги, занятые трансплантацией органов. Вместе с семьями тоже летали поиграть в рулетку. Судя по всему, это были богатые семьи преуспевающих врачей. Узнав, что я занималась правовыми вопросами трансплантации, с большим профессиональным интересом перекинулись на юридические аспекты операций по трансплантации. И в США, и у нас уже несколько лет делают операции по пересадке сердца. Но сердце должно быть пересажено живым. В этих условиях, спасая жизнь одного человека, приходится прекращать жизнь другого.

Итальянцев очень заинтересовали мои позиции по другим медикоправовым проблемам, в том числе законодательном обеспечении права на выбор пола будущего ребенка, правом на эвтаназию, то есть правом на легкую смерть, на отказ от жизни, когда она сопряжена с тяжелыми физическими или нравственными страданиями и нет надежд на выздоровление. Как выяснилось, и у американских, и у наших врачей здесь немало общих проблем не только юридических, но и нравственных, религиозных. Врачи старательно переписали названия моих статей по этим вопросам, а также

названия и номера научных журналов, где они опубликованы. Вспомнили своего коллегу-медика, русского по происхождению, к которому они намеревались обратиться за помощью в переводе с русского.

Вообще я заметила, что американцы отдают предпочтение специальной литературе, заботясь о постоянном повышении уровня профессиональной подготовки, видя в этом важный (если не важнейший) путь к своему социальному процветанию.

В аэропорту меня встретили Ростислав Иванович Диакон, с которым я познакомилась ранее, будучи проездом в Чикаго. Они с супругой Любовью Алексеевной жили в небольшом доме в зеленом пригороде. Как и во всех домах русских американцев, здесь были палех, хохлома, русские книги, особенно по истории и искусству. Стол украшал настоящий тульский самовар. На почетном месте под стеклянным колпачком старинные серебряные часы фирмы Павла Буре с золотым гербом России на крышке. Часы эти принадлежали Николаю II и были им подарены деду Ростислава Ивановича по матери — Евгению Федоровичу Торопову.

Ростислав Иванович помнит рассказ деда о встрече с императором во время поездки последнего на Австрийский Юго-западный фронт. Евгений Федорович работал тогда начальником железнодорожного депо. Вдруг стук в дверь, и входит император. Один, без охраны. Заметив сильную взволнованность Евгения Федоровича, успокоил, сказав, что вчера сделан был смотр железной дороги и его депо. Все в прекрасном состоянии. В благодарность за отличную службу Отечеству Николай II снял с руки часы и подарил Евгению Федоровичу. Часы до сих пор идут исправно. Их мерное тиканье продолжается целый век, ставший трагическим и разрушительным для Российской державы и русского народа.

Ростислав Иванович рассказал, что после революции за границей стали появляться самозванцы и самозванки в надежде заполучить наследство царя в зарубежных банках. Некая Евгения Смит, например, выдавала себя за великую княжну Анастасию Николаевну, Голенский — за царевича Алексея. Русская эмиграция помогала разоблачать самозванцев. Но когда стало известно, что у русского царя не было личных счетов в зарубежных банках, самозванцы растворились.

Ростислав Иванович — сын священника, фармаколог по своей основной специальности — с 1953 по 1984 год, т. е. более 30 лет, вел в Чикаго еженедельные часовые передачи русского радио «Вечерний звон». Он тщательно составлял программы и готовился к ним, чтобы в небольшое время,

отведенное для регулярных передач русского радио, дать своим слушателям наиболее важную информацию о национальной культуре, традициях и тенденциях ее развития; напомнить им о важнейших датах славной истории великого русского народа, рассказать о его лучших представителях, подготовить к приближающимся православным праздникам; рассказать о последних важнейших событиях и проблемах русского народа, в том числе демографических, экономических, религиозных, как в США, так и в России и в других странах, где есть русские колонии. Главная цель передач—поддерживать национально-культурные русские силы, не дать им угаснуть. Кроме того, лет 50—60 в Чикаго действует другая русская национальная передача «Волжские бурлаки», объем вещания которой составляет 45 минут в неделю.

Надо же! Ни в СССР, ни в России с 1917 г. не было и нет специального национального радио, которое целиком было бы посвящено проблемам русского народа, а в Америке есть. В современной России каких только каналов радио и телевидения нет, от Американского до Якутского. Нет только русского. Интербольшевики, интеркоммунисты, а теперь интердемократы лишили русских национального радио и телевидения. Уж не за то ли, что изобрели их русские люди Попов и Зворыкин. Имя Зворыкина — русского американца, изобретателя телевидения — в Советской России даже не упоминалось, да и сейчас замалчивается. Коробит интернационалистское ухо само слово «русский». Ныне оно усиленно изгоняется из употребления. Даже в официальных правовых актах русские заменены русскоязычными, хотя разница между ними ничуть не меньшая, чем между англичанами и англоязычными.

Ростислав Иванович рассказал, что пропагандой русской культуры занимались разные люди. Так, русский дирижер Николай Малко создал в Чикаго народный симфонический оркестр, который по субботам и воскресеньям играл бесплатно.

В доме Диаконов постоянно гостят или живут русские. Здесь я познакомилась с русской девушкой, рожденной и выросшей в Финляндии. Пройдя в Хельсинки строгий конкурсный отбор, она попала в США в качестве стажера-музыканта. Другой русский — Костя Ефимов из Ленинграда, приехав в США с технической выставкой, заинтересовал американцев своими интересными музыкальными произведениями и манерой их исполнения. Американцы предложили ему задержаться и сделать запись его произведений.

Чрезвычайной добротой Любови Алексеевны и Ростислава Ивановича, стремящихся помочь любому русскому, порой

злоупотребляют. Так, у них около года живет Юрий Д., прибывший из Чикаго с советской командой велосипедистов, но сбежавший вместе с велосипедом. Его приютил священник православного прихода, но когда священника стал раздражать паразитарный образ жизни Юрия, он его выставил, не желая помогать бездельнику. Его подобрали жалостливые супруги Диаконы. Здесь он живет на их полном обеспечении. Работа, которую он находил, его не устраивала: то трудная, то далеко от дома. Если что и зарабатывал, то копил. Недавно купил себе машину. Я попыталась объяснить добрым господам, что они вряд ли поступили лучшим образом, взяв на иждивение молодого здорового лодыря, предавшего спортивные интересы Родины, команду товарищей с целью обрести всего лишь более сытое корыто. К тому же, ему и в Москве жилось, судя по всему, не слишком плохо. Его преуспевающие родители могли обеспечивать ему отдых на различных курортах юга. Юрий не проявлял стремления помочь своим пожилым благодетелям по ведению домашних дел. Они нанимают для этих целей женщину-польку, приходящую на несколько часов в неделю для уборки дома и приготовления обедов.

Супруги Диаконы пригласили меня, Костю и Ирину (кажется, так звали русскую финку) пообедать в польском ресторане. Ресторан, расположенный в районе Чикаго, заселенном преимущественно поляками, отличался не только разнообразием национальных блюд, но и своим оформлением. Его четыре наружные стены как бы изображали четыре города, которые поляки считали своими лучшими городами: Варшаву, Вильно, Краков и Львов. Это воспринималось как наглядная агитация за передел мира. Несколько лет тому назад в музее Кракова я видела изображение еще одного «польского» города — древнего Смоленска.

Господа Диаконы не пожалели времени, чтобы познакомить меня с Чикаго и его пригородами, а заодно рассказать обо всем, что касается русской культуры и православия. Посмотрела безбрежное озеро Мичиган, связанное каналом и рекой Св. Лаврентия с Атлантическим океаном. Здесь, на пирсе военно-морского и торгового флота, русские арендовали красивый зал на несколько тысяч мест для торжественного празднования тысячелетия крещения Руси. Все было торжественно, нарядно. Крестный ход растянулся почти на два километра, а ведь в Чикаго живет лишь около 10 тысяч русских. Здесь несколько десятков православных храмов, в том числе сербских, украинских, белорусских, греческих. В них служба идет на русском, сербско-хорватском, белорусском, украинском и других языках. В некоторых служба

идет на двух языках — русском (украинском) и английском с учетом интересов этнически смешанных семей и языковой ассимиляции младших поколений русских, родившихся в США.

Все храмы, разумеется, действующие или строящиеся. Построенные в стиле русской православной архитектуры, они являются украшением американских городов. Хорошо, что власти не облагают налогами создателей храмов. Униатские храмы нередко являют собой архитектурную смесь костелов и церквей с большими или меньшими элементами модернизма.

Посетили храм Рокфеллера для всех конфессий и храм всех религий (преимущественно восточных) Бахай — высоченный, белоснежный, с затейливой резьбой и символикой различных религий. Создатели его стремятся соединить все религии в одну. Храм величественный и прекрасный, но сама идея слияния религий представляется спорной. Так и все народы, этносы можно попытаться слить в один, установив над миром единого Бога, единую власть, единый язык. Станет ли мир от этого богаче, многоцветнее? Ведь культура, религия каждого народа самобытны и имеют свои непреходящие ценности, оберегая народ, консолидируя его.

Чикаго — город университетов, крупных физических институтов. Здесь находится лаборатория, где работал Энрико Ферми и произвел первый экспериментальный атомный взрыв в 1942 г. Этим «подвигам» физиков в городе установлен памятник в виде атомного гриба и черепа. В музее науки и техники выставлены первая атомная бомба, атомная подлодка. Судя по всему, американцы не только не стыдятся успехов своего военно-промышленного комплекса, но и гордятся ими как гарантом своей мощи, защищенности, безопасности и уж, конечно, не собираются разрушать его, как это делается в России.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Американцы, не мудрствуя лукаво, часто дают своим городам названия известных европейских городов. Не знаю, как обстоит дело с другими, но Санкт-Петербург получил свое название благодаря своему основателю — выдающемуся русскому американцу Петру Александровичу Дементьеву — Деменсу, как его звали в Америке. Правда, предпринимались попытки приписать эту часть Д. Вильямсу, но они были решительно отвергнуты русскими американцами, объединенными в Конгрессе русских американцев, и Флоридским отделом Конгресса, возглавляемым Л. А. Сокольским.

Дементьев родился в 1849 г. в Петербурге, вырос в родовом имении родителей в Тверской губернии, служил в гвардии, вышел в отставку в чине капитана. В 1872 г. был избран предводителем дворянства. В 1881 г., оставив блестящее положение, уехал с семьей в Америку. Начинал с рабочего лесопилки, затем стал ее владельцем, а к 1888 году сумел уже провести железную дорогу от Санфорда до маленького поселка из шести домиков с населением всего 30 человек. Ныне это благоустроенный город, расположенный на берегу Мексиканского залива, в котором живет почти четверть миллиона человек[1]. И все это произошло всего за 100 лет. П. А. Дементьев был не только преуспевающим предпринимателем, градостроителем, но и журналистом, поэтому переводил на английский стихи Лермонтова. Став русским американцем, он никогда не забывал Родину, тяжело переживал насильственный захват власти большевиками, которые, по словам Дементьева, «знали и знают сегодня, что им нужно, за что им платят золотом, и они продолжают свое подлое дело разрушения Отечества». Эти слова, написанные в 1918 г., не утратили своей актуальности и сегодня.

Санкт-Петербург — в противоположность северному С.-Петербургу — город солнца, тепла, прекрасных песчаных пляжей и апельсинов. В теплом городе много пенсионеров, так как на Юге жить легче, но трудно получить работу. Почти все население — белое, в основном англо-саксы. Много поляков. Русских здесь около тысячи. Они предпочитают селиться компактными группами. Имеют свои храмы, национальный культурный центр.

Гостила я в семье Бориса Святославовича и Людмилы Константиновны Максимовых. Они много лет жили в Канаде, на севере США, и, выйдя оба на пенсию, перебрались в С.-Петербург вместе с отцом — Святославом Васильевичем Максимовым. Ему 102 года, и он навсегда остался подданным Его Императорского Величества. Перемену гражданства Святослав Васильевич рассматривает как измену Родине, на которую он всю жизнь мечтал вернуться. Его сын и внук — оба инженеры — обсуждая инженерные дела, переходят на английский. Оба получили высшее образование в Америке и не знают специальной инженерно-технической русской терминологии.

Людмила Константиновна— потомок дворянской семьи, ее мать была репрессирована. Во время войны уехала в Гер-

[1] Об интересной жизни Дементьева и основанного им города Л. А. Сокольский написал несколько книг: «Русские в Санкт-Петербурге, Флорида», Юг-издат. Флорида, 1982 г. и «П. А. Дементьев-Деменс — выдающийся русский американец». Юг-издат. Флорида, 1988.

манию. Много лет безуспешно разыскивает своего двоюродного брата — единственного родственника, оставшегося в живых (как она надеется). Зовут брата Андрей Иванович Медведев, 1934 года рождения. До 1943 года жил в Пятигорске на Сенной улице. Если кто-то из читателей знает его, сообщите, пожалуйста, составителям книги. Помогите людям найти друг друга.

Надо сказать, что сейчас русские американцы стараются восстановить связи с Родиной, разыскать родственников. Раньше опасались делать это, боясь повредить родне. Один из моих дальних родственников в 1937 году был расстрелян «за связь с мировой буржуазией», а вся вина его была в том, что его старший брат, 16-летний деревенский парень, в 1914 году уехал в Америку и стал впоследствии крупным предпринимателем.

После доклада, вернувшись в дом Максимовых, я решила пойти искупаться. Их дом стоял на берегу, но благоустроенный пляж был чуть подальше. На пляж я отправилась одна. Вода залива была слишком теплой и совсем не освежала, скорее даже расслабляла. Правда, в душе вода была прохладной. Народу было немного. Ко мне подошла дама и спросила: «Это Вы сегодня делали нам доклад?» Мы разговорились. Дама, ее звали Евгения, поинтересовалась, не жарко ли мне в таком костюме. Я ответила, что намеревалась вернуться в Москву еще в апреле, да и на юге Америки быть не собиралась, а потому летней одежды не взяла, а здесь не было пока времени сходить в магазин, что-то купить. Евгения Грузинова оказалась соседкой Максимовых. Она уговорила меня по дороге зайти к ней и взять один из ее пляжных сарафанов. «У меня есть совершенно новый, ситцевый», — поспешила заверить она, узнав, что я не ношу синтетику.

Я вошла в дом. Муж Евгении представился — Алексей Грузинов. Поговорили. Они оба эмигранты второй волны, оба инженеры, оба работали в знаменитой фирме Сикорского, у обоих хорошая пенсия. Алексею (к сожалению, не спросила его отчество, а он его не назвал) 85 лет. Он попросил меня остаться в его доме и погостить, сколько захочу. Я поблагодарила, сказала, что здесь хорошо, но пора домой, в Россию. Помолчали. Вдруг Алексей поднялся: «Идите за мной». Прошли в его кабинет, куда, как я потом выяснила, этот замкнутый человек никогда никого не приглашал. Алексей показал на стену, где висели две фотографии. На обеих были изображены родители Алексея, снятые в одной и той же позе. Слева — красивая, счастливая молодая супружеская пара в великолепных нарядах. На фото справа — они же, едва уз-

наваемые, изможденные, подавленные, в серой одежде, только что вернувшиеся из ссылки. Вся вина их была лишь в том, что представляли они русскую интеллигенцию, стало быть, классово чуждые элементы.

Алексей во время войны, попав в плен, не вернулся на Родину. Эти две фотографии — все, что ему удалось сохранить от жизни в России, и еще неизбывную, непрекращающуюся, а даже усиливающуюся с годами тоску по Родине, по России, тоску, которая угрожает стать смертельной.

На следующий день мы с Максимовыми отправились к обедне в храм и там повстречали человека, судьба которого схожа с судьбой Алексея. Кубанский казак Александр Павлович Ордынский в 1943 г. раненым попал в плен к немцам, затем к американцам. Американское гражданство не принял, все надеялся вернуться на Родину. И сейчас не оставляет этой надежды, хотя считает, что происходящие в России события очень похожи на февраль 1917 г. Опасается, чтобы перестройка не переросла в еще одну разрушительную для России революцию.

В православном храме Санкт-Петербурга настоятелем является отец Владимир Дорошевич — белорус из восточной Польши. Учитывая преклонный возраст прихожан, у стен храма поставили скамейки, и многие сидят во время службы. Прихожане, обращаясь ко мне, говорили:

— Вы присядьте, ведь не привыкли стоять. В церковь-то в Москве, чай, не ходите?

— Спасибо, стоять мы больше вашего привычные, только не в храмах, а в очередях.

— Так, может, потому и в очередях стоите, что в храмы ходить перестали.

— Возможно, поэтому.

Вечером отец Владимир и семья его прихожан пригласили меня поехать на освящение нового дома, приобретенного большой трехпоколенной семьей. Семья была интересна своим пестрым этническим составом: хозяйка дома — русская, муж (недавно умерший) — японец, одна из дочерей замужем за американцем англосаксонского происхождения. В семье все православные. Помолившись, сели за праздничный стол в просторном красивом доме. Освящение нового дома приурочили ко дню рождения старшей внучки. Ей исполнилось 16 лет, накануне она получила водительские права и стала обладательницей серебристо-голубой машины. Я спросила, не рано ли делать девочке такие дорогие подарки. С удивлением узнала, что машину Кате никто не дарил, она купила ее на деньги, заработанные ею. Оказалось, что с 14 лет девочка днем училась в школе, а вечерами работала и

за два года заработала себе на машину. Американцы, в том числе богатые, рано приучают детей к самостоятельным заработкам, причем никому в голову не приходит считать это зазорным.

Зашла речь о массовом разрушении православных храмов в годы хрущевской «оттепели». Я удивилась, почему священники России не выступили с протестом. Отец Владимир поведал, что патриарх Алексий обращался к Н. С. Хрущеву. Тот пригласил его на аудиенцию одного. Разговор продолжался без свидетелей 2 часа. Вышел патриарх весь в слезах. О чем была речь, никто так и не узнал.

На обеде у Максимовых я познакомилась с Ольгой и Евгением Милон. Родители Ольги — работники Посольства Российской Империи в США. Родилась Ольга в 1918 г. в США. Русский язык знает, но для нее легче говорить по-английски. Ужасно смущаясь, Ольга попросила взять в подарок ее каракулевую шубку (мы с ней одного роста и размера), убеждая, что на юге шуба не нужна, пригласила в гости. Милоны жили на той же улице, что и Максимовы. Интерьер дома напоминал выставку работ одного автора: сундук, каждая сторона которого — картина из русской жизни, набранная из мелких кусочков цветного дерева; панно, столик. Все сделано руками талантливого художника-инкрустатора. Деревянные инкрустации выполнены по русским народным мотивам, сказочным сюжетам. Работ было много, и сделаны они были не только талантливо, но и с ювелирным изяществом. Что удивительно, панно не имели изнанки, они одинаково хорошо смотрелись с обеих сторон.

Как мог выполнить такое огромное количество трудоемких работ инженер по профессии, да еще работавший у Сикорского? Не отразилось ли это его увлечение на качестве инженерных работ? Оказалось, нет. И дело не только в том, что Сикорский с особым вниманием относился к своим соотечественникам и предпочитал брать на работу именно их. Престиж русских инженеров в Америке был очень высок. В двадцатые годы нашего века американские банкиры предпочитали вкладывать деньги в те предприятия, где среди инженеров был высок процент русских. Это воспринималось как гарантия технического прогресса.

Надо сказать, что инженерные специальности в США ценятся высоко, и это вполне оправданно. Совершая прогулку в Тампу, что неподалеку от С.-Петербурга, диву даешься, видя дорогу, тянущуюся через залив по длиннющему мосту — дамбе, причем движение одностороннее. Параллельно по заливу идет вторая такая же линия дороги. Вообще США поражают не столько дорогами (хорошие дороги есть и в

других странах), сколько грандиозностью и разнообразием мостов, дерзновением технической мысли.

В Санкт-Петербурге имеется большой музей Сальвадора Дали. Здесь множество его отчетливых и прозрачных полотен, простых и сложных, вызывающих самые противоречивые оценки художников: от «сумасшедшего» до «самого гениального живописца». Его русская жена Галина, значительно старше его, была неизменной музой и постоянной моделью художника. Она запечатлена на многих из его 1200 картин.

Южные санкт-петербуржцы наперебой приглашали меня в гости. Не желая обидеть кого-либо отказом, посоветовавшись с моей хозяйкой дома, живой и энергичной Людочкой, я отвечала, что всем моим свободным временем распоряжается она, а я ей подчиняюсь. На ее машине мы успели сделать несколько визитов и зайти к ближайшим соседям. Все они были людьми чрезвычайно интересными, со сложной судьбой, большинство уже прожили шесть, семь и более десятилетий. О каждом можно было написать целую книгу.

Игорь Леонидович Новосильцев по материнской линии из той же ветви рода Гончаровых, к которой принадлежала супруга Александра Сергеевича Пушкина Наталья Николаевна Гончарова. Он отличался невероятной для своего возраста (ему за 80) энергией, бурными всплесками эмоций. На докладе он засыпал меня вопросами, свидетельствовавшими о его хорошей осведомленности о жизни сегодняшней России, в том числе русского села. Оказалось, что он недавно вернулся из России, выступал на московском телевидении и был переполнен впечатлениями, не всегда радостными. Особенно потряс его разговор с молодым парнем в электричке. Игорь Леонидович поделился своей мечтой восстановить свое родовое имение. Парень выслушал его и сказал: «Спалим».

— Зачем?

— А почему это мы должны жить плохо, а Вы хорошо. Вы-то отсюда сбежали в революцию, а теперь опять хотите у нас панами быть. Нет уж, поживите, как мы живем.

Парень был сыном своего злобного времени. Его воспитали в ненависти к богатым и преуспевающим.

Игорь Леонидович часто выступает на собрании Пушкинского общества, пишет публицистические статьи, собрал и частично передал А. И. Солженицыну материалы о дипийцах, многим из которых он помог переехать в США, избежать участи принудительного репатрианта. Об этом он пишет книгу, главы из которой уже опубликовал.

В одной из них он повествует о том, как Игорь Леонидович работал в Риме в 1946—1949 годах представителем переселенческой организации, созданной при Синоде Русской

Православной Церкви за рубежом. Ко времени его приезда в Рим в 1946 г. эмиграционным комитетом уже было зарегистрировано и отправлено в Америку около 3 тысяч эмигрантов. Но оставались сотни людей, которые не имели никаких документов или которым было отказано в статусе беженца. Многие из них находились в концлагере под Неаполем, ожидая передачи советским властям. Среди них было немало советских офицеров и солдат, сражавшихся в отрядах итальянских партизан, которых должны были против их воли отправить в СССР, куда они ехать не хотели, опасаясь, что им не простят плена и даже побега из плена в отряды итальянских партизан (было у нас и такое).

Игорь Леонидович помогал им оплатить визы, оформить документы. Часто документы приходилось оформлять на вымышленные имена. Отказали в визе Иванову — он оформляет ее на Петрова. Когда его помощнику Алеше, внуку Хомякова, не хватало фантазии на изобретение новых имен и фамилий, Игорь Леонидович советовал: а Вы берите фамилии из литературы. Так появился новый гражданин Владимир Евгеньевич Онегин, отцом которого был записан Евгений Онегин, а матерью — Татьяна Ларина. Владимиром же был наречен в память о Ленском. Устраивали побеги из концлагеря, хитрили, обманывали, но делали это во имя добра и спасения жизни людей, а потому полагали, что Бог простит. Новые фамилии новых американцев до сих пор сохраняются. Им трудно восстановить свои настоящие, так как возникнет вопрос о лжеприсяге, которую они давали, получая статус беженца, утверждая к тому же, что рождены на территории, которая до войны в СССР не входила, а стало быть, гражданами СССР не были. В США было одно нашумевшее дело, когда дипиец решил восстановить свою настоящую фамилию, а его по суду чуть не лишили гражданства, как приобретенного нечестным путем. Многие русские и их потомки, не любя псевдонимов, вынуждены прибегать к ним, тем более, что никаких правовых актов об их реабилитации в СССР принято не было.

Старый интеллигент Александр Захарович Марченко вдовец, недавно перенес сложную операцию, живет один, напротив Максимовых, из дома почти не выходит, постоянно занят чтением, выписывает наиболее серьезные русские журналы. От него я узнала, что «революционная» реформа русского алфавита и правописания принесла больше вреда, чем пользы. Александр Захарович ее не признает и пользуется старыми правилами. В Москве филологи подтвердили его правоту и позицию.

Милые Галина Георгиевна и Иван Кононович Гуськовы

готовы были подарить мне всю свою библиотеку. Книги были прекрасные, но сложности транспортировки умерили мою жадность, взяла лишь несколько книг.

Как я уже говорила, в Санкт-Петербурге очень много пенсионеров, прямо город стариков, однако на наших, советских стариков они совсем не похожи. Удивляют, умиляют, восхищают, особенно старушки. Если у нас те, кому за 60, считают себя стариками, стараются выглядеть поскромнее, ярких одежд избегают, то в американском Санкт-Петербурге можно увидеть очаровательный «божий одуванчик» лет 85-90 в розовых или белых шортиках, кокетливой шляпке, яркой маечке, идеально уложенной прическе, иногда в голубеньких или иного цвета кудряшках с живыми жизнерадостными глазами. Увидев их, начинаешь думать, что в твоей жизни все еще впереди, а не позади, как я полагала совсем недавно.

Молодежь и дети, которых здесь немного, предпочитают на лето уезжать с Юга на Север. Путешествуют на комфортабельных яхтах или на больших машинах со спальным диваном. Те, кто побогаче, снимают гостиницы. Здесь они очень дорогие, 80—90 и более долларов в сутки.

Тяжело было прощаться с теми, кто по старости или болезни уже почти не имел надежды увидеть Россию. Раньше не могли политически, нельзя было. Теперь можно, но не могут по немощи. Некоторые считают, что нужно собраться с последними силами и вернуться, чтобы умереть и быть похороненными в русской земле.

ЗАВЕРШЕНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ (СНОВА НЬЮ-ЙОРК)

Идеально спланировавшие мою поездку по русской Америке Людмила Дмитриевна и Ростислав Маркович Гаркуши встретили меня в аэропорту Нью-Йорка и отвезли к железнодорожному вокзалу, где нас уже ждал Игорь Александрович Агатов, живший с супругой Галиной Александровной в Гленкове неподалеку от Нью-Йорка. В соседнем с ним Сиклифе на следующий день должен был состояться мой последний доклад в храме отца Митрофана Зноско-Боровского.

Гленков — уютный дачного типа поселок с красивыми одноэтажными домиками и садиками. Их владельцы — строительные рабочие, сантехники, мелкие служащие. Прекрасный поселковый парк, пляжи, несколько храмов, дома для престарелых. Небольшая русская колония, в которой все знают друг друга. Небольшой, прилегающий к дому Агатовых зеленый участок оформлен с большим вкусом, создавая уютный внутренний дворик с изысканным красивым

цветником и добротным, густым, хорошо подстриженным зеленым ковром газона.

Игорь Александрович химик. Высшее образование получил в Югославии. Служил в полиции в химической лаборатории по наркотикам. Жена — Галина Александровна — экономист. Оба на пенсии. Добрейшие бесхитростные люди. Очень переживают за положение дел в России, стараются оказать помощь нуждающимся соотечественникам. Шлют в Россию посылки, деньги, но не все доходит.

Мое выступление в храме Сиклифа совпало с годовщиной расстрела казачества в Лиенце 1 июня 1945 г. Отец Митрофан начал собрание своего прихода с заупокойной молитвы по невинноубиенным казакам и их семьям.

Силами русской эмиграции в Лиенце установлен памятник погибшим казакам. В результате насильственной репатриации, проходившей под названием «Операция килевания», сотни тысяч советских граждан были убиты, умерли по дороге домой или были отправлены в советские концлагеря. В военных архивах США под индексом «Операция килевания» хранятся сотни документов о насильственной репатриации перемещенных лиц. По данной теме выпущено несколько книг, статей[1]. А в России об этой, еще одной страшной трагедии, точнее акте геноцида казачества, стало известно лишь недавно. Надо сказать, что я, профессионально много лет занимавшаяся историей советского государства и права, в Америке узнала много новых и неизвестных мне ранее исторических фактов о России XX века как из прочитанной там литературы, так и из бесед с очевидцами и свидетелями многих событий русской новейшей истории.

Позвонил Олег Михайлович Родзянко — пригласил на обед. Отправились с Гаркушами, которые жили в том же районе, недалеко от Наяка. Олег Михайлович — директор русской типографии, она расположена в его доме. Естественно, в доме много русских книг. Супруга Олега Михайловича — Татьяна Алексеевна — урожденная Лопухина. В доме на стене генеалогическое дерево Родзянко-Лопухиных. У них пятеро детей. Четверо имеют свои семьи, пятая, младшая, не замужем. Спросила, все ли женаты на русских. Оказалось, что один из четверых женат на американке, принявшей православие. Я сказала, что приятно удивлена успехами русских американцев во всех сферах жизни, за исключением, видимо, финансов. «Позвольте напомнить, что один из руководителей Восточно-Европейского банка — из рода Голицыных», — заметил один из присутствовавших. Надо же, и в финансах

[1] См.: Русская жизнь, Сан-Франциско, 1971 г., 6 мая.

преуспели! Неужто русским, чтобы достичь успехов в социальном продвижении, нужно потерять Родину? Не слишком ли велика цена успеха? Да и можно ли это считать успехом, если работаешь на чужую страну и чужой народ.

Родзянко и его друг Сергей Александрович Каргай подарили мне целую библиотеку прекрасных русских книг. Подарок был драгоценнейшим, но как его вывезти? Книги тяжеленные. Выручила мой ангел-хранитель Людмила Дмитриевна и Ростислав Маркович Гаркуши. Они взяли пересылку книг на себя и блестяще справились с этой задачей, подключив к ее решению супругов Диаконов из Чикаго. Я не смогла отблагодарить моих благодетелей, но памятуя, что за добро надо платить добром, разрешила пользоваться этой библиотекой не только моим московским друзьям, но и людям из других городов тоже. Петербуржцы делают попытки кое-что переиздать здесь. Во всяком случае, книги в работе, они приобщают к зарубежной русской культуре все более широкие слои граждан.

Возвращаясь от Родзянко, зашли в русскую субботнюю приходскую школу. В ней преподает один из сыновей Родзянко. Составление учебных программ, учебников, вся работа в русской школе ведется бесплатно. Уроки начинаются с молитвы. Чтобы поступить в школу, надо закончить имеющийся при ней подготовительный класс. При школе также есть ясли, библиотека.

Ужинали у Гаркуш, здесь же осталась на ночь. Дом большой, двухэтажный, прекрасно меблированный, стены украшены картинами. У владельцев довольно большой участок земли, на котором газон и несколько зрелых красивых голубоватых елей. Одна из них стоит слегка наклонно. Людмила Дмитриевна рассказала ее историю. Они с мужем уезжали в отпуск в Европу, проездили все деньги и были весьма озабочены этим. Вернувшись, застали сильно покосившуюся елку и письмо, в котором строительная фирма приносила извинения за то, что, работая по соседству, повредила елку, и уверяла, что материальный ущерб будет возмещен. Действительно, через несколько месяцев владельцам были выплачены 2700 долларов.

Слушая этот рассказ, вспомнила, как несколько лет назад под окнами нашего дома проводили новую линию теплотрассы. Вырубили несколько зрелых, давно посаженных мной берез, но никто и не подумал хотя бы травой засеять обезображенную территорию, не то что компенсацию выплачивать. К земле и лесу у русских, живущих в Америке, совсем иное, более бережное отношение, чем у современных российских русских.

Людмила Дмитриевна — дочь хирурга и ученого Д. Г. Фирфарова, обогатившего в начале XX века медицину трудами по анестезии, много лет работавшего в Сибири. Людмила Дмитриевна с особой симпатией относится к сибирякам. Встретив в США находящуюся там в командировке киносъемочную группу из Сибири, организовала для них поездку по русской Америке.

Мой визит заканчивался, пора ехать домой. В аэропорт Кеннеди меня провожал Александр Константинович Карпов, уже провожавший ранее русских, знавший распорядки в аэропорту и место, где проводил регистрацию своих пассажиров наш «Аэрофлот». Когда мы с Игорем Александровичем Агатовым заехали к Карпову, то застали его за чтением газет. Я обратила внимание на то, что этот явно немолодой человек просматривал газеты, не пользуясь очками. Высокий, стройный господин легко перекинул мои вещи с машины Агатова в свою, и мы, простившись с добрейшим Игорем Александровичем, помчались в аэропорт.

Господин Карпов гнал машину быстро, уверенно, изредка вскидывая глаза на дорожные указатели, которые я не успевала читать. Очками он явно не пользовался. Меня заинтересовал секрет безукоризненного зрения пожилого человека. Спросить, сколько ему лет, было неловко. Задала другой вопрос:

— Где вы родились, Александр Константинович?

— В России.

— И давно ее покинули?

— С армией Врангеля, 18-летним парнем.

Я прикинула: значит, Александр Константинович ровесник века, и ему теперь 90 лет.

— Простите за любопытство, как Вам удалось сохранить зрение и не пользоваться очками? Или у Вас вставные мягкие линзы?

— Никаких линз, просто в мои глаза вшиты новые зрачки. При этом я правым глазом без напряжения могу читать самый мелкий шрифт, а левым прекрасно вижу вдаль, то есть зрение лучше, чем на сто процентов.

— Но ведь вы пенсионер, а такая операция стоит много тысяч долларов. Как вы могли себе позволить такую роскошь?

— Я работал инженером у великого Сикорского, а потому фирма до конца моих дней берет на себя заботы о моем здоровье.

Вот так-то.

МЫ И ОНИ

Самое сильное впечатление, которое я вывезла из русской Америки, то, что они там более русские, чем мы. Они (я имею в виду первую и вторую эмиграции) в большей мере, чем мы, озабочены судьбами России, ее разграблением и распадом. Когда Украина проводила референдум о своей независимости, господа Диаконы позвонили из Чикаго и со слезами вопрошали, почему не препятствуем развалу страны, почему позволяем политической мафии, подпитываемой мировой финансовой олигархией, как и в 1917 году, разрушать и грабить державу. Неужто не осталось на Руси патриотов, способных защитить государство от растаскивания, а народ от разграбления?

Разговор был долгий. Я стала беспокоиться, что для пенсионеров он может дорого стоить. В ответ услышала: «Какое все это имеет значение, когда перед угрозой гибели наша многострадальная Россия? Делайте что-нибудь, не позволяйте рушить!» К сожалению, позволяем.

Когда эмигранты 80-х годов создали мафиозные группы и их стали называть «русской» мафией, то Конгресс русских американцев заявил решительный протест и добился успеха: под страхом штрафных санкций мафию теперь не называют русской. Еврейской ее тоже не называют. Именуют советской.

Вернувшись в Москву и включив радио, я услышала наглые разглагольствования работника КГБ о черных делах международной «русской» мафии. Он мог смело позволить себе любые оскорбления русских, зная, что никто не станет на их защиту, а если кто и найдется, то ему сейчас же приклеют ярлык «антисемита» и «русского фашиста». А Р. Рейган, кстати, выступил в защиту русских, напомнил об их крупном вкладе в развитие культуры, науки и техники США. В руководстве России мало русских людей, так сказать, русских не по паспорту, не по крови, не по присвоенным фамилиям, а по личной озабоченности, причастности к судьбам Родины, к бедам и радостям русского народа.

В США действует несколько русских общественных организаций, имеющих свои центры и печатные органы. Одна из крупнейших — Конгресс русских американцев (КРА). Конгресс так определил свои основные цели:

1. Возрождение, сохранение и популяризация русско-американского культурного и этнического наследия США.

2. Помощь христианам в Советском Союзе, особенно русской ее части — первой и самой угнетенной жертве интернационального коммунизма.

3. Борьба с распространенной в прессе и по каналам вещания тенденцией приравнивать русских к «советским» или «коммунистическим», а также Россию к СССР.

Деятельность Конгресса русских американцев освещается в журнале того же названия, а также в ежедневной газете «Русская жизнь», выходящей в Сан-Франциско уже восьмое десятилетие, в то время как в России с 1917 года до недавнего времени не допускалось издание русских газет или журналов. Их заменили советские, российские, коммунистические, то есть произошла та самая подмена, против которой выступает Конгресс русских американцев.

Конгресс опротестовал резолюцию ассамблеи штата Нью-Йорк, согласно которой в руководство для учителей включены «сведения» о том, что голод на Украине в 1932-33 годах искусственно создан русскими коммунистами, доказав, что русские от этого же голода также страдали.

Конгресс русских американцев активно боролся за отмену Закона США 1959 г. № 86-90 о порабощенных нациях, требуя устранения русофобских позиций этого закона, называющего коммунизм «русским» и исключающего русских из числа порабощенных коммунистами наций. Конгресс оказывает помощь и поддержку русским национально-культурным мероприятиям, хотя не всегда все проходит гладко. Черпая сведения из антирусских средств массовой информации, конгрессмены присоединились к тем, кто «озабочен» угрозой «русского национализма» и русского фашизма, хотя оснований для этого не больше, чем для наклеивания ярлыков «русский коммунизм», «русский большевизм», «русская мафия». Представители Конгресса участвовали в митинге, организованном Литовско-американским обществом совместно с латышскими и эстонскими организациями[1], забыв, что в Прибалтийских республиках русские сегодня подвергаются гонениям и дискриминации.

Русские американцы бережно относятся к своему языку. Я поинтересовалась, почему мне часто задают вопрос: «Как Вам удалось сохранить русский язык?» Попросила объяснить, чем он вызван. Я — русская и говорю на обычном русском языке. Мне ответили: «За час выступления Вы допустили только одну ошибку, и ту исправили. Сказав «ВУЗ», Вы добавили, простите, господа, институт». Позже мне показали видеозапись проходившей в том же зале Санкт-Петербурга недавней встречи с народными депутатами-аграриями из России. Среди них были два председателя колхозов. Их выступления были честными, деловыми, пронизанными тревогой за судьбы русского села, но речь была насыщена непонятными

[1] См.: Русская жизнь. 1991 г., 18 октября.

для русских господ словами типа: «Госснаб», «Агрохим», «спускают план», «директивные органы». Обращались они к присутствующим «товарищи», не взирая на протесты «господ».

Речь русских американцев, свободная от советских слов, порой разбавлена английскими. Например, один наш соотечественник на замечание своей супруги о том, что он не позаботился о приведении в порядок ее машины, ответил: «Дорогая, возьми мой кар (машину) и не делай нойс (не шуми)». Меня это очень смешило. Обращение к детям «чилдренята» и другие английские слова в русском языке американских соотечественников вызывали лишь улыбку, тогда как засилие «презентаций», «консенсусов», «спонсоров» в языке россиян вызывает раздражение.

Старшее и самое младшее поколение знают русский, а вот среднее, пройдя английскую школу, переходит на английский. Но есть надежда, что, выйдя на пенсию, вернувшись к внукам, вспомнив свое русское детство, оно, это поколение, будет возрождать русский язык во внуках, обучая их языку, народным песням и сказкам. Детей и внуков в семьях русских американцев значительно больше, чем у нас в России.

Русские американцы старательно защищают свою национальную культуру. Выходящие в Америке русские издания постоянно обращаются к читателю с призывами такого рода: «Русские! Ваша обязанность перед детьми в годы изгнания: сохранить в них Русский дух, память о России и желание служить ей. Говорите дома всегда по-русски и требуйте того же от детей». Вот уже 60 лет ежегодно в конце апреля отмечается в США «День русского ребенка». Это большой праздник с выступлениями русских детей, русскими песнями, танцами, стихами. В этот день проводят сбор пожертвований для русских детей из необеспеченных семей, живущих в разных государствах; газеты сообщают о проблемах русских детей. Так, выходящая в Сан-Франциско газета «Русская жизнь» сообщила 7 мая 1991 г., что, по прогнозам американских ученых, в России растет детская лейкемия, как последствие Чернобыля и других экологических катастроф, что в 90-е годы возрастет смертность от раковых заболеваний.

На встречах часто задавался вопрос:

— На что Вы надеетесь, наблюдая бедственное положение русского народа?

Надеюсь, что он, наконец, осознает крайнюю степень своего угнетения, поймет, что властям с 1917 г. до его национальных интересов дела не было и нет, объединится и сам возьмется решать свои национальные вопросы. И еще на то надеюсь, что враги наши, как и в прошлые века, недооцени-

вают одной особенности многотерпеливого народа — способности встать и победить тогда, когда все уверены, что русские побеждены, раздавлены окончательно. Ведь Лжедмитрий сидел в Москве, когда родилось ополчение Минина и Пожарского. Наполеон праздновал победу над русскими в Москве, а вскоре казаки победно гуляли в Париже. Гитлер мог разглядывать Москву в бинокль, и чем все кончилось? Не может погибнуть, не погибнет этот многострадальный, добрый и мужественный народ.

Вспомните народные сказки, в героях которых отражен характер народа, их создавшего. В отличие от фольклора других народов, в русских народных сказках героями были Иванушка-дурачок, Емеля-дурачок. В экстремальных обстоятельствах выясняется, что дурак-то и умнее, и храбрее, и ловчее, и красивее всех других. Но до наступления экстремальных условий ходит в дураках. Думаю, что эти условия уже наступили и не сегодня-завтра Иван-дурак с Божьей помощью станет добрым, храбрым молодцем, уничтожающим зло и его носителей.

Одна дама задала длинный, логично построенный вопрос:

— Как это вы, имея самый высокий показатель врачей и койко-мест, умудряетесь иметь высокую детскую смертность и низкую продолжительность жизни? Как это вы, располагая огромной армией архитекторов, живете в убогих бараках? Как это вы, располагая лучшими в мире черноземами, покупаете хлеб в Америке? Как это вы дошли до жизни такой? Я, 60 лет из моих 97 годов прожившая в Америке, не могу найти ответа на эти мучающие меня вопросы.

Я ответила на вопрос вопросом:

— А не кажется ли Вам, уважаемая госпожа, что постановка вопроса ошибочна? Вы вправе спрашивать, не как это вы, как это мы дошли до жизни такой. Ведь это не я, и не мое поколение, а вы и ваши отцы позволили большевикам разрушить великую Российскую державу, расстрелять казачество, порушить церковь. Так вот и давайте теперь подумаем вместе, как исправить ваши и наши ошибки, как помочь возродиться единому и неделимому Российскому государству и народу русскому.

Зал ответил аплодисментами.

Много было вопросов, свидетельствовавших о глубокой ненависти русских американцев к коммунистам. Большинство требовало самого сурового суда над ними и самого строгого наказания. Я же полагаю, что нельзя требовать расправы над миллионами рядовых коммунистов и одновременно восторженно одаривать всякими международными премиями их главарей, срочно перекрашивающихся в антикоммунистов.

Подавляющее большинство верило в перестройку, словно не замечая, что она осуществляется под руководством отъявленнейших коммунистов.

Русских эмигрантов, приехавших в Москву в августе 1991 г. на Конгресс соотечественников, волновал вопрос: почему российские улицы, площади, станции метро носят имена кровавых палачей русского народа — Землячки, Урицкого, Тухачевского и других. Именем убийцы царской семьи Войкова в одной только Москве названы улица, несколько проездов, станция метро. Русские эмигранты, кстати сказать, восхищались подвигом русского мальчика, гимназиста Бориса Коверды, застрелившего цареубийцу Войкова на вокзале в Варшаве, где он пребывал в качестве советского посла в Польше.

Как же так, удивился один из зарубежных соотечественников, в Москве сняли имена русских писателей Горького, Шолохова и других, а имена преступников и палачей народа русского украшают улицы и станции метро. Где найти ответ на этот вопрос? Разве что в преемственности политики интернацдемократов, сменивших интернацбольшевиков.

Наши американские соотечественники верят, что все экономические проблемы решит введение частной собственности. Однако я напомнила, что ныне в России крупными собственниками могут стать в большинстве своем крупные мафиози, жулики, спекулянты и взяточники, а не толковые предприниматели. Ведь в отличие от США, где спрашивают: «Если ты умный, то почему бедный?», мы в России спрашиваем, и не без оснований: «Если ты честный, то почему богатый?» Клан мафиози, став легальным собственником наших национальных богатств, будет озабочен только тем, как набить свой карман, утвердить свою власть и диктат над народом.

Все дома и квартиры русских, в которых я была, украшены национальными предметами: иконы, хохлама, самовар, русские книги. На стенах фарфоровые тарелочки с росписью типа Палеха или Федоскина. В России я таких не видела. Какая-то американская фирма закупает их в России и окантовывает круглыми темными рамками. Во двориках частных домов посажена березка или две, на случай, если одна не выживет. А это случается, так как не в любых климатических зонах она может расти. За ней приходится дополнительно ухаживать, лечить. Береза — символ не только России, но и русских. Народы похожи на деревья. Одни из них, как тополь или лоза, легко приживаются на любом месте, где их хорошо кормят, точнее поят. Другие, как дуб, береза, будучи

деревьями красивыми, крепкими, не любят чужих почв, предпочитая родную.

Я интересовалась, как удается сохранить русский этнос в Америке, где русских в составе населения и полпроцента не наберется, и неизменно слышала один ответ: православие, церковь. Именно православие объединяет всех русских, где бы они ни жили, не деля их на великих, белых и малых россов, казаков и русинов.

Возникновение православия в Америке относится к концу XVIII века. В 1793 году Святейший Синод отправил в Америку православную миссию, которая начала свою деятельность на Аляске. В 1868 году после продажи Аляски США, с разрешения американских властей, была учреждена архиерейская кафедра в Сан-Франциско. Православных русских епархий в чужих государствах нигде не было, только в США. В 1904 году по предложению епископа Алеутского и Северо-Американского Тихона, будущего патриарха Московского и Всея Руси, замученного большевиками в 1925 году, архиерейская кафедра была перенесена из Сан-Франциско в Нью-Йорк. В 1946 году Епархия Русской Православной церкви разделилась на две митрополии: американскую и русскую зарубежную [1].

Русские украсили американские города прекрасными храмами. Один только С. Н. Падюков — талантливый архитектор — построил в США 16 православных храмов. Сегодня в США сотни православных храмов, многие из которых возведены за последние 70 лет, в тот период, когда в Советском Союзе церкви осатанело разрушались. В 1952 году в 40 милях от Нью-Йорка был заложен Ново-Дивеевский женский монастырь с двумя храмами, в одном из которых хранится большой серебряный крест, а в малой церкви икона Божьей Матери, находившаяся в ставке Государя и хранившаяся в эмиграции у генерала Врангеля. Елена Петровна Майндорф передала ее монастырю. Здесь большое православное кладбище, где упокоены тысячи русских. На кладбище, засаженном березами, стоит часовня, сооруженная в память воинов, погибших во вторую мировую войну.

Брожу по русскому кладбищу под Нью-Йорком и вспоминаю стихи прекрасной русской поэтессы Ф. Болотцевой, написанные ею в ответ на стихи Р. Рождественского «Кладбище под Парижем», где он писал о тех, кого называл «бывшими»:

---

[1] Подробнее см. журнал «Зарубежная Русь», США, № 7, 1976, с. 70—71.

деревьями красивыми, крепкими, не любят чужих почв, предпочитая родную.

Я интересовалась, как удается сохранить русский этнос в Америке, где русских в составе населения и полпроцента не наберется, и неизменно слышала один ответ: православие, церковь. Именно православие объединяет всех русских, где бы они ни жили, не деля их на великих, белых и малых россов, казаков и русинов.

Возникновение православия в Америке относится к концу XVIII века. В 1793 году Святейший Синод отправил в Америку православную миссию, которая начала свою деятельность на Аляске. В 1868 году после продажи Аляски США, с разрешения американских властей, была учреждена архиерейская кафедра в Сан-Франциско. Православных русских епархий в чужих государствах нигде не было, только в США. В 1904 году по предложению епископа Алеутского и Северо-Американского Тихона, будущего патриарха Московского и Всея Руси, замученного большевиками в 1925 году, архиерейская кафедра была перенесена из Сан-Франциско в Нью-Йорк. В 1946 году Епархия Русской Православной церкви разделилась на две митрополии: американскую и русскую зарубежную [1].

Русские украсили американские города прекрасными храмами. Один только С. Н. Падюков — талантливый архитектор — построил в США 16 православных храмов. Сегодня в США сотни православных храмов, многие из которых возведены за последние 70 лет, в тот период, когда в Советском Союзе церкви осатанело разрушались. В 1952 году в 40 милях от Нью-Йорка был заложен Ново-Дивеевский женский монастырь с двумя храмами, в одном из которых хранится большой серебряный крест, а в малой церкви икона Божьей Матери, находившаяся в ставке Государя и хранившаяся в эмиграции у генерала Врангеля. Елена Петровна Майндорф передала ее монастырю. Здесь большое православное кладбище, где упокоены тысячи русских. На кладбище, засаженном березами, стоит часовня, сооруженная в память воинов, погибших во вторую мировую войну.

Брожу по русскому кладбищу под Нью-Йорком и вспоминаю стихи прекрасной русской поэтессы Ф. Болотиевой, написанные ею в ответ на стихи Р. Рождественского «Кладбище под Парижем», где он писал о тех, кого называл «бывшими»:

---

[1] Подробнее см. журнал «Зарубежная Русь», США, № 7, 1976, с. 70—71.

«Плотно лежат они, вдоволь познавшие
Муки свои и дороги свои.
Все-таки русские! Вроде бы наши,
Только не наши, скорее ничьи».

Болотцева отвечает Рождественскому от имени тех, кого он называет «бывшими»:

«Нет, не ничьи, мы — России Великой,
Честь мы спасать добровольно пошли.
Но, побежденные силою дикой,
С скорбью в душе мы в изгнанье ушли.
Больше полвека по свету скитаясь,
Родины честь мы достойно несли,
Верны присяге своей оставаясь,
Славу былую ее берегли.
В чуждой земле, в подпарижском кладбище,
Вечный покой мы в могиле нашли.
Прожили жизнь мы хоть скудно и нище,
Веры, любви мы лампаду зажгли...
Детям мы нашим ее передали —
Нас не забудет людская молва!
Архистратиг на Господни скрижали
Впишет мечом наши все имена.
Мы здесь истории повесть живая,
Вечную память нам ветер поет.
С Родины дальней, пусть гость, приезжая,
Летопись Белую нашу прочтет!
Нашу Россию с собой унесли мы,
Бережно в сердце храня и любя.
Бурей житейскою долго гонимы,
Неумолимы, непримиримы,
Спим мы на Сент-Женевьев-де-Буа».

Большинство русских, с которыми я встречалась, либо их родители прошли тяжкий путь репрессий и скитаний. Оценивая первую русскую эмиграцию, И. Бунин в речи, произнесенной в Париже 16 февраля 1924 года, сказал: «Нас, рассеянных по миру, около трех миллионов... Взгляни, мир, на этот великий исход и осмысли его значение. Вот перед тобой миллион из числа лучших русских душ, свидетельствующих, что далеко не вся Россия приемлет власть, низость и злодеяния ее захватчиков; перед тобой миллион душ, облеченных в глубочайший траур, душ, коим было дано видеть гибель и срам одного из самых могущественных земных царств и знать, что это царство есть плоть и кровь их, дано было оставить домы и гробы отчие, часто поруганные, оплакать горчайшими слезами тысячи и тысячи безвинно убиенных и замученных, лишиться всякого человеческого

благополучия, испытать врага столь подлого и свирепого, что нет имени его подлости и свирепству...».

Вторая мировая война выбросила за границу 10 миллионов советских граждан. Половину из них составили военнопленные, другую — перемещенные лица, в том числе насильственно вывезенная на работу в Германию молодежь с оккупированных территорий. К концу войны от этих 10 миллионов осталось 5. Часть уцелевших вернулась на Родину, чтобы продолжить свой путь в концлагерях. Другие рассеялись по миру.

Трудным был их путь самоутверждения. Начинать приходилось с чернорабочих, шоферов. Образование получали на чужом языке, да и самих языков приходилось изучать несколько: сербско-хорватский, турецкий, французский, немецкий, испанский, наконец, английский. Кто каким путем добирался до Америки, чтобы осесть в ней.

Изменения, происшедшие в России со второй половины 80-х годов, позволили многим кинуться на поиски родственников, не опасаясь навредить им родством с иностранцами. Многим, но не всем. Некоторые до сих пор опасаются. Да и поехать на любимую Родину не каждый рискует. Боятся не только и даже не столько того, что им придется объяснять, как и почему оказались за границей, но и того, как сами они вынесут встречу с Родиной.

Рассказали об одном русском, поехавшем в свою родную деревню, которую он покинул 17-летним парнем, будучи вывезен на работы в Германию. Он увидел почти мертвую деревню, где доживали свой век несколько его одноклассниц, превращенных непосильным трудом в глубоких старух. Ни одного его сверстника в живых уже не было. В современной русской деревне немногие мужчины доживают до пенсионного возраста. Не было и школы, в которой он учился, так как не было в деревне ни детей, ни молодежи. У старух была одна забота: как перезимовать зиму. Хлеба и летом не достать, муки тоже. А зимой по сугробам и бездорожью за несколько километров до ближайшего магазина пешком не дойти. Заболеть зимой не дай Бог. До больницы не добраться. Увидел он в таком виде свою мечту — деревню родную, сердце не выдержало. Вернувшись в Америку, не мог говорить и вскоре умер. Евгений М., побывавший на родине, в Белоруссии, рассказывал со слезами на глазах о том бедственном положении, в котором он застал своих земляков.

Отторжение от России большевистским переворотом и второй мировой войной миллионов русских людей обескровило Россию, обеднило русский народ. Эмигранты, пройдя путь тяжелейших испытаний, преодолели их, выжили и к старости,

живя на чужбине, сохранили веру православную, национальную честь и достоинство, имеют прекрасные, по нашим меркам, бытовые условия, социально защищены, материально обеспечены. Им тяжко видеть, как унижены, оскорблены и ограблены русские на своей Родине, в разрушенном, обесчещенном государстве, где русским отводится преимущественно роль дешевой рабочей силы.

Если в США закон запрещает платить менее 5 долларов в час, то в России сегодня по существующему обменному курсу можно платить менее 5 долларов в месяц. Не потому ли американцы, преимущественно из наших недавних граждан, устремились в Россию, скупая по дешевке все и вся, надеясь перевести сюда экологически грязные производства с дешевой русской рабсилой, благо новые «демократические» законы и порядки это позволяют.

Русский в собственной стране — человек второго сорта, религию которого позволительно оскорблять в выступлениях по телевидению на многомиллионную аудиторию, русских отстранили от ряда органов власти России, где они представлены в 2—5 раз ниже по сравнению с другими народами; их лишили не только национальной государственности, но и каких бы то ни было национальных государственных структур; довели до демографической деградации.

Как живется русским дома, объяснять не надо. А вот, как живет русский американец, знают не все. Среди русских немало занятых в здравоохранении, где самая большая ценность — здоровье, самая высокая зарплата, поскольку средний заработок врача 150 тыс. долларов в год. Затем идут юристы, получающие в среднем 100—125 тыс. в год, ведь после здоровья важнейшая ценность — защита прав человека. За ними идут архитекторы и инженеры — около 100 тысяч. Портовые рабочие и крановщики — около 40 тыс. в год. Минимальная пенсия — 300 долларов в месяц, максимальная — 1000 в месяц. Но можно получать одновременно несколько пенсий: государственную, военную и от частной фирмы. Военные пенсии могут достигать 40—50 тысяч в год. Их получают, проработав 20 лет, независимо от возраста.

Продолжительность жизни русских в Америке гораздо выше, чем в России. И долгожителей среди них также много, как было в дореволюционной России. Я встречалась в США со многими людьми, кому за 80 и за 90 лет. Старательно пыталась вспомнить, есть ли сегодня среди моих русских личных знакомых в России хоть один человек, которому было бы за 80, и не нашла ни одного.

Долгожительству, видимо, содействует образ жизни русских американцев. Живут по совести, не забывая о Боге.

Никаких видимых дефицитов, кроме дефицита денег, но и с деньгами дела у русских, как правило, обстоят неплохо. Быт достаточно механизирован. Кухонная плита с программным управлением приготовит обед к строго заданному часу. Стиральная машина, посудомойка — все это освобождает женщине массу свободного времени, тем более, что в очередях стоять не надо. Насколько я заметила, они не придают большого значения еде. Питаются простой пищей, наскоро приготовленной. Картошку едят запеченную вместе с кожурой. Какие-то в ней особые питательные вещества обнаружены учеными. Мало пьют спиртного и почти не курят. Не переедают, очень следят за своим весом и здоровьем, потому что лечение стоит дорого и потому что здоровье высоко ценится. Среди наркоманов, алкоголиков бездомных славян мало, в основном это удел цветного населения.

Вещи, одежда стоят недорого, если покупаешь в дешевом магазине. Радио и телеаппаратура доступна практически каждому. Подержанная машина и не модной марки стоит в США очень дешево.

Вообще-то сравнивать цены, существующие в США, с нашими ценами, даже с теми, что стабильно существовали до конца 80-х годов в СССР, дело нелепое уже в силу того, что в нашем ценообразовании, если и можно было проследить какую-либо логику, то только логику разрушения славянских сел, выражавшуюся в искусственном занижении цен на основную сельхозпродукцию, производимую в России, на Украине и в Белоруссии, при одновременном искусственном завышении цен на сельхозпродукцию южных республик и регионов. Мы десятилетиями продавали картофель по ценам ниже себестоимости (по 6—10 копеек за килограмм при себестоимости в 13—15 копеек), разоряя производителей этого важного и нужного продукта, вынуждая их работать бесплатно обязательными государственными поставками.

В США, как и в большинстве других государств, цены на основные товары и продукты питания, как правило, отражают затраты на их производство. Если, к примеру, производство килограмма цитрусовых требует в полтора-два раза меньших затрат труда, чем производство такого же количества картофеля, то и стоят цитрусовые дешевле картофеля, а не дороже, да еще в 20—30 раз, как у нас.

Хлеб, который у нас многие годы стоил копейки, в США стоит 2—3 доллара за килограмм, а буханка нашего черного хлеба целых 6 долларов, да еще не всегда купишь, везут-то его из Москвы. Легкий завтрак в железнодорожном буфете стоит 6—7 долларов; трехчасовая поездка в электричке — 30—40 долларов; квартплата за 2—3-комнатную квартиру в

плохом, непрестижном районе, стоит 600—1000 долларов в месяц. Правда, минимальная зарплата — 5 долларов в час.

Почти все, рассказанное в этих моих заметках относится к первой и второй эмиграции и их потомкам. Общалась в основном с ними. Среди эмигрантов последних десятилетий большинство составляют русскоязычные. Но есть и русские. Люди они разные, симпатии часто не вызывают. Для многих материальное благополучие — высшая цель жизни. Бог им судья. Они просто другие. Есть среди них изгнанники, которых Родина предала, а не они ее, Солженицын, например. Но таких единицы. В Сан-Франциско ко мне подошла молодая девушка.

— Галина Ильинична, Вы не узнаете меня?

Это была русская беженка из Баку. Мы встречались с ней в Москве, в Комитете русских беженцев.

— Леночка, как Вы здесь оказались?

— Вы же знаете, России русские беженцы не нужны. Принимают и турок-месхетинцев, и азербайджанцев, и армян. Армян в одной Москве несколько тысяч худо-бедно, но обустроили. Только русским в России места не нашлось. Вынуждали уезжать обратно, туда, откуда бежали, спасая жизнь, честь и достоинство. Многие вернулись. А я решила, лучше в Америку, чем назад в этот ад межнациональных конфликтов. Дальняя родственница прислала приглашение, и вот я здесь. Работаю няней за гроши. Деньги собираю, чтобы заплатить 2 тысячи долларов юристу за оформление статуса беженки.

Знаю другую семью, которая приехала в США по израильской визе и без хлопот получила статус беженцев. Спрашиваю молодого мужчину: как вы обосновали статус беженца, ведь в Москве вас, русского, никто не обижал.

— Сказал, что мои работы не публиковали по политическим мотивам.

— Какая политика, к тому же вы — математик?

Сработала израильская виза, оформленная на жену-еврейку, но тоже русскую по паспорту.

Встретились мне и две «жертвы любви». Одна очень молодая, 17 лет, красивая и глупая, если, конечно, глупость может быть красивой. Ее пригласил американец, с которым случайно познакомилась в Ленинграде, обещал жениться, но передумал. Домой вернуться денег нет, да и стыдно: «Все мне так завидовали».

Вторая не молодая, с хорошим знанием английского, неглупая, но, видать, влюбившаяся без памяти в американца. Им приглашенная и брошенная. Работает нянечкой у многодетного раввина. Человек он добрый. По воскресеньям от-

пускает в церковь, но у него из-за нее возникают сложности с кагалом его прихожан: зачем приютил православную.

В одном из православных храмов Нью-Йорка, где я была со своей старой московской знакомой Татьяной и ее сыном, подошла дама лет 55—60. Сказала, что она — доцент филологического факультета МГУ, рассказывала об ужасах голодной Москвы. Я спросила, когда она выехала из Москвы и кто ее пригласил в Нью-Йорк. Дама ответила, что прилетела в феврале 1991 года. Никто ее не приглашал, просто купила вызов на черном рынке Москвы за 2 тысячи. Я сказала, что прилетела в Нью-Йорк из Москвы на месяц позже и не видела там умирающих с голоду, особливо людей, способных заплатить две тысячи за фиктивный вызов. Дама рыдала, просила помочь найти любую работу и жилье. Таня спросила: «Пойдете ухаживать за больным спидом?» Дама согласилась. Мне она показалась аферисткой, но добрейшая Таня помогла ей устроиться.

Знала женщину из Гомеля, моя дальняя родня. Два года тому назад уехала со слезами в США, чтобы вывезти из радиоактивного района больных детей и внуков. Оказалось легче уехать в чужую Америку, чем получить жилье и работу в безопасном районе родной России или Белоруссии.

Светловолосый, голубоглазый, типичный русак Юра — художник-модернист. Когда-то в Москве ему не было хода. Рассердился, уехал с женой и ребенком. Поначалу было тяжко. Теперь устроен, и неплохо. Художник-декоратор одного из крупнейших театров США. Его жена Елизавета, разделившая с ним все трудности жизни, ныне тоже имеет хорошую работу. Помня свои мытарства, старается всячески помогать землякам. Узнав, что я остановилась в вегетарианской семье, пригласила к себе на роскошный мясной ужин с московским бородинским хлебом, ветчиной, солеными огурцами, картошкой, селедкой, водкой и прочими яствами.

Немного выпив, Юра весело шутил. Обстановка была домашняя, непринужденная. Разговор зашел о неожиданно открывшейся для меня возможности остаться в США без больших проблем. Лиза посоветовала воспользоваться этой возможностью. Услышав ее рекомендацию, слегка охмелевший весельчак Юра прорычал: «За-молчи!» Одной этой его репликой сказано было много.

Да, русские должны жить дома. Не приживаемся мы в пусть и богатом, но чужом мире. У нас свой отсчет ценностей.

Порой, наблюдая трагедию русского народа, возникает сомнение: а может, русские оказались у себя на Родине в положении людей второго сорта оттого, что нация, как тако-

вая, исчерпала себя и должна погибнуть, как погибали во тьме веков многие народы, о культуре которых мы сегодня можем судить по археологическим раскопкам и музеям.

Русские американцы опровергли это сомнение. Эти русские занимают наиболее престижные должности, широко представлены в сфере науки и культуры, их вклад в эти сферы намного выше, чем удельный вес русских в составе населения. У них выше среднего уровень образования, доходов, выше процент людей, прославивших свои имена на весь мир.

Белая эмиграция при поддержке второй волны, рассыпавшись по всей планете, именуемой Землей, украсила ее храмами и школами, прозвучала хорами Жарова и густым басом Шаляпина, сверкнула балетами Анны Павловой, Лифаря и Дягилева, покорила талантами Рахманинова, Бунина и Северянина, техническим гением Сикорского и Зворыкина.

Если люди смеют гордиться своей принадлежностью к популяции, именуемой человечеством, то не в последнюю очередь они обязаны этим русским, возвеличившим человечество такими именами, как Ломоносов и Менделеев, Глинка и Чайковский, Пушкин и Достоевский, Королев и Уланова. Это русский сержант Егоров водрузил знамя победы над рейхстагом, а его земляк Гагарин первым открыл путь в космос. Русский Чехов написал пьесы, которые целый век не сходят со сцен театров мира. Современное человечество зачитывается Солженицыным и смотрит в телеэкран, зажженный русским Зворыкиным. Такой народ не может, не смеет погибнуть. Он вечен. Нельзя забывать, что русские — великий народ не только по своей численности, но и по вкладу в мировую культуру, а потому политика геноцида этого народа способна нанести огромный вред всему человечеству.

3 марта 1992 года. **Галина ЛИТВИНОВА**

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Е. С. Троицкого 3
Книга патриота из России о русских американцах.
Встреча с Америкой 11
Частная поездка 18
Блумингтон 22
Нина Бахтина 29
В Отраде, что около Нью-Йорка 33
Русские американцы 37
Бостон 44
Кливленд 50
Сан-Франциско 55
Чикаго 64
Санкт-Петербург 69
Завершение путешествия (снова Нью-Йорк) 76
Мы и они 80

Сдано в набор 1.02.93. Подписано к печати 9.03.93 г.
Печать высокая, бумага писчая. Объем 6 п. л. Тир. 1000. Зак. 4059
Отпечатано в типографии ЗИХ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ
НА СТРАНИЦАХ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА

Народная жизнь: политические события и их действующие лица, социальные проблемы, репортажи из «горячих» точек, уклад и традиции

Русская философия, соборность, духовность, нравственность, национальный идеал

История Отечества: «белые пятна», забытые имена, поиски и находки в архивах

Мир в движении: независимый взгляд на события в других странах

Россия в зарубежном мире: великая страна и жизнь ее соотечественников в различных регионах земного шара

Литературный процесс: оперативная оценка произведений в журналах и издательствах

Новинки прозы и поэзии: за год более пятидесяти рассказов и почти двести подборок стихов

Культура: вчера, сегодня, завтра

Панорама современного искусства: кино, театр, музыка, живопись, телевидение

Из неопубликованного и забытого

Гипотезы, догадки, предположения: в литературе и истории еще много неизвестного

Суд, мораль, право

Библиотека приключений, детектива, фантастики

«Это памятник на века»: хроника Фонда восстановления Храма Христа Спасителя

Индекс 50232

Желающие перечислить средства в Фонд поддержки «ЛР» могут направлять их по адресу: 113095, Москва, ул. Пятницкая, 70—72, расчетный счет № 1700467014, банк «Столичный», корреспондентский счет в РКЦ ГУ ЦБ Российской Федерации № 161706 МФО 201791.

ДЛЯ ВАС НА СТРАНИЦАХ «РУССКОГО ВЕСТНИКА»

Православная Русь. Политика — внутренняя и международная.

Рынок — восстановление традиций российского купечества и предпринимательства, воспитание нового поколения русских деловых людей.

Защита нашей государственности и армии — ее главнейшей опоры и школы воспитания. Офицеры, казаки как самая прекрасная часть мужчин. Славная история, трагедия и новь казачества — станового хребта державы российской.

Положение русских в соседних государствах. Русское зарубежье — совместное возрождение Руси, России.

История славянства в его истоках, трагических страницах и высших взлетах.

Календари — даты российской истории, православный календарь, обряды, праздники.

Русская здрава — основа национальной гимнастики и системы оздоровления.

Песни, детские игры, сказки, стихи. Воспитание в семье. Национальная одежда, кухня, сад, огород. Домашняя экономика в условиях рынка.

ФОНД ПОДДЕРЖКИ «РУССКОГО ВЕСТНИКА»

Расчетный счет № 468014 в Коммерческом банке профсоюзных организаций г. Москвы «Профбанк», корр. счет № 161337 в РКЦ ГУ ЦБ РСФСР по г. Москве, МФО 201791.

Ваша реклама в «Русском Вестнике» — это опора на молодую и стремительно растущую Патриотическую Русь, за которой будущее, на Русское Зарубежье.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА «РУССКИЙ ВЕСТНИК» И МЫ БУДЕМ СИЛЬНЫ И ЕДИНЫ

Индекс 50114

Отдел распространения «Русского Вестника» предлагает значительный выбор патриотических периодических изданий и книг. Их можно купить по адресу: Покровский бульвар, д. 18/15, метро «Чистые пруды», тел. 297-16-50; в метро «Арбатская» и на переходах станций метро «Новокузнецкая»—«Третьяковкая», «Пушкинская»—«Чеховская».

К Н И Г И
АССОЦИАЦИИ ПО КОМПЛЕКСНОМУ ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ НАЦИИ (АКИРН) — ВСЕМИРНОГО СЕМИНАРА «РУССКАЯ ИДЕЯ И ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ» (РИВР)

АКИРН — старейшее национальное научное объединение. Мы организуем ежегодные декабрьские конференции с 1983 г., издаем литературу. Так, вышли 2 работы о Русской идее (1991 и 1992) и 3 — о русской нации (1989, 1990, 1992). Авторы книги «Русская идея и современность»: писатели В. Белов и В. Кожинов, народные депутаты России В. Аксючиц и А. Головин, доктора наук Е. Троицкий, А. Гулыга и Ю. Сохряков, публицисты О. Платонов и М. Назаров (Мюнхен) и др. В работе помещены фрагменты из трудов провозвестников Русской идеи: И. Киреевского, Вл. Соловьева, Л. Карсавина, Н. Бердяева, И. Ильина.

Сборник работ великого русского мыслителя Ивана Ильина «Родина. Русская философия. Православная культура» — удачное дополнение к книге «Наши задачи», содержащей публицистические статьи 1948—1954 гг. В нашем сборнике помещены философские труды 1914—1951 гг. Сб. продаются в отделе распространения «Русского Вестника» (Б. Харитоньевский пер., д. 10, тел. 924-01-46). Там же можно приобрести книгу Е. С. Троицкого «Возрождение Русской идеи» и сб. «Питирим Сорокин. О Русской нации. Россия и Америка». Основатель российской социологии был высококлассным экспертом по русскому вопросу. Часть материалов впервые публикуется в русском переводе. Иногородние могут обращаться с заказом по адресу: 129336, Москва, до востребования, Е. С. Троицкому.

По этому же адресу направлять предложения о сотрудничестве и поддержке АКИРН.

В наших планах — публикация сборников по материалам конференций 1991 и 1992 гг. Тема Девятой декабрьской встречи (1991 г.) была «Соборность: истоки и современный смысл»; Десятой — «Русский путь в развитии экономики». Готовятся к изданию работа Е. С. Троицкого «Что такое русская соборность?», книга русского эмигранта патриотической ориентации Сергея Солдатова «В поисках исцеления» (Мюнхен); сборник научных и публицистических статей выдающегося ученого и патриота Г. И. Литвиновой «Для блага России».